

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ XIII

1883

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2

1883

ВЫГОРЪЦКІЕ СОВРАТИТЕЛИ.

Черты изъ быта и новые факты изъ исторіи поморскихъ раскольниковъ.

I.

Роль сѣвернаго поморья въ исторіи раскола.—Вліяніе Павла, епископа коломенскаго.—«Запоры палеостровскіе».—Бѣглые старцы.—Скиты и кельи.—Захарій, Данило Викулинъ и Андрей Денисовъ.—Начало Выгорѣцкаго скита.—Лексинская женская обитель.—Усиленіе выгорѣцевъ и распространеніе ихъ ученія.

ВЪ ВЕЛИКОЙ борьбѣ «древляго благочестія» съ «Никоновыми еретическими новинами» сѣверное поморье Россіи, т. е. страны, прилегающія къ Ледовитому океану и Бѣлому морю, ознаменовало себя самымъ пламеннымъ и упорнымъ сопротивленіемъ. Начавшись въ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ, борьба распространилась по всей Россіи, но всего ожесточеннѣе завязалась на сѣверѣ. Туда, въ непроходимую глушь высокихъ лѣсовъ, болотъ и тундры, на необитаемые и далекіе острова Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, хлынули массы приверженцевъ старины, недовольныхъ, обиженныхъ, привлеченныхъ громкимъ голосомъ протеста, раздавшимся изъ-за стѣнъ осажденнаго Соловецкаго монастыря. Павелъ, епископъ коломенскій, возставшій, вмѣстѣ съ протопопомъ Аввакумомъ, противъ Никона на московскомъ соборѣ, былъ сосланъ, какъ будто нарочно, туда же, на «озеро Онего», въ палеостровскій монастырь, и своимъ авторитетнымъ архипастырскимъ словомъ и примѣромъ утверждалъ всѣхъ

въ «твердомъ стояніи» противъ «Никоновой нововводной ереси». Затѣмъ пронеслись вѣсти о многочисленныхъ «гаряхъ», т. е. самосожженіяхъ «за старую вѣру», цѣлыми скитами и селеніями, которыя учиняли старовѣры, нежелая отдаться въ руки розыскивавшимъ ихъ властямъ, и между ними о двухъ грандіозныхъ безпримѣрныхъ «запорахъ палеостровскихъ», гдѣ безстрашные поморы врываются въ несогласный съ ними монастырь, выгоняютъ монаховъ и горятъ запершись въ соборной церкви, въ первый разъ въ 1687 году, 4-го марта, въ количествѣ 2,700 человѣкъ, а во второй въ 1689 году, 23-го ноября, въ количествѣ 1,500 человѣкъ, всего въ двѣ гари—4,200 человѣкъ!..

Пересказывались вѣсти обо всѣхъ такихъ дѣлахъ по всему пространству великой Руси, и за сѣвернымъ поморьемъ укрѣплялась слава непоколебимой крѣпости «православія», радушнаго приюта для всѣхъ, не могшихъ стерпѣть «лютаго антихристова нашествія».

Глухія и отъ вѣка необитаемыя мѣста заселялись бѣжавшими туда старовѣрами. Ихъ встрѣчала скудная и суровая природа, но овлобленному міромъ, обрешемуся на «нужное и скудное житіе», бѣглецу сладко было бороться съ нею и преодолѣвать ее.

Дѣвственные лѣса сосняка и ельника рубились на постройку келій, затѣмъ ихъ зажигали въ сухую лѣтнюю погоду, лѣса выгорали на большія пространства и по этимъ «огненнымъ нудямъ» поселенцы сѣяли хлѣбъ съ житомъ, «мѣшая рожь межъ жито, ржи полагая пятую или шестую долю; и возрастъ жита того лѣта много, а на другой годъ ржи» ¹⁾).

Переселялись туда и въ одиночку и съ семействами; въ послѣднемъ случаѣ келійку рубили двойную, чтобы стѣною отдѣлить женскій полъ отъ мужскаго. Живя разбросанно, одиночными келіями, поселенцы, начавшіе называться «старцами» и «отцами», тѣмъ не менѣе видѣлись между собой, приходя другъ къ другу на лыжахъ и на суденышкахъ по рѣкамъ, разговаривали «о вѣрѣ», рассказывали кто, откуда и почему бѣжалъ, признавали старшинство другъ надъ другомъ, по лѣтамъ и по давности поселенія.

Мало по малу одиночные старцы собираются въ общины, скиты.

По сторгѣніи, во второй запоръ, въ палеостровскомъ монастырѣ Игнатія, Германа Соловецкаго и Емельяна Повѣнецкаго, остался отъ нихъ единомышленникъ, «добрый останокъ, изрядный членъ», Даниилъ Викулинъ, который сначала скитался въ олонецкихъ и каргопольскихъ предѣлахъ, потомъ устроился скитомъ на Саро-озерѣ; чрезъ нѣсколько времени къ нему присталъ «села Повѣнецкаго прозябеніе, отрокъ вѣкій юнъ сый лѣты», Андрей Денисовъ съ товарищемъ Иваномъ Бѣлоостровымъ.

¹⁾ «Исторія Выговской старообрядческой пустыни», Ивана Филиппова. Спб. 1862 года.

Даніила и Андрея въ свою очередь пригласилъ на свое мѣсто нѣкій Захарій Стефановъ, Толбуйской волости, поселившійся раньше ихъ (въ 1691 г.) между рѣкою Выгомъ и озеромъ Горѣлѣшемъ съ отцомъ, матерью и сестрами. У Захарія на заселенномъ имъ мѣстѣ уже были посѣяны и собраны обильный хлѣбъ и срублены постройки.

Братія Даніила и Андрея «вельми мѣсто слюбися», но соединились они съ Захаріемъ не раньше, какъ у нихъ все погорѣло пожаромъ.

Тогда, съ благословенія еще жившаго тогда великаго постника и пустынника Корнилія (умеръ въ 1695 г.), Даніиль Викулинъ и Андрей Денисовъ пришли съ братіею къ Захарію на Выгъ и «сложишася во обще жити съ Захаріемъ, въ лѣто отъ мірозданія 7203 (1695) году, во осень послѣ Покрова Богородицы. И собравшася вси на мѣсто, гдѣ нынѣ часовня и столовая и помолившася Богу и пѣша молебень на мѣсто, и начаша бревень связи валнягу, около того мѣста близъ, и начаша столовую строить, тутъ же къ столовой и хлѣбню присовокупиша и построиша въ одной связи скоро, и собрахуся на богомоленіе въ одну столовую, въ одной половинѣ братія, а въ другой сестры, а посредѣ ихъ завѣса во всю столовую. Братія въ столовой хлѣбъ ядыху, а овые и живяху ту, а сестры въ хлѣбнѣ собирахуся на обѣды и на ужины, а овия и живяху въ хлѣбнѣ, а иніи же въ ригачи (ригѣ) и въ построенной келии. А братія построила келию и живяху самымъ нужнымъ пустыннымъ житіемъ, и уже собрася всѣхъ до сорока чловѣкъ»¹⁾.

Вотъ вѣрное и точное извѣстіе о самомъ началѣ столь славной впослѣдствіи Выгорѣцкой обители, извѣстіе написанное самовидцемъ и чуть ли не участникомъ въ первоначальномъ устроеніи этого зерна разросшихся потомъ скитовъ, такъ называвшагося Даніловскаго скита, Иваномъ Филипповымъ.

Съ этихъ поръ въ новопостроенный скитъ начали сходиться разныхъ чиновъ люди, мужчины и женщины; явились знающіе службу и уставы церковные, швали сапожные и для платья, мѣдники и другіе ремесленники, плотниками и земледѣльцами были всѣ; нашлись люди, годные для торговли и для хожденія по дѣламъ обители въ другихъ городахъ.

Съ расширеніемъ начало роста и благосостояніе обители отъ торговли, найма рыбныхъ ловель, а главнымъ образомъ отъ добротныхъ даяній многочисленныхъ, разсыпанныхъ по Россіи купцовъ-старообрядцевъ, тайныхъ и явныхъ, и приношеній вновь поступающихъ.

Петръ Великій узналъ о крѣпкомъ и трудолюбивомъ народѣ, населившемъ отъ вѣка пустыя лѣса—и далъ имъ волю жить «по

¹⁾ Тамъ же.

своей вѣрѣ», обязавъ ихъ лишь работою на новопостроенныхъ по сосѣдству съ ними олонецкихъ Устрѣцкихъ желѣзодѣлательныхъ заводахъ.

Десять лѣтъ спустя, умножившееся населеніе скита потребовало отдѣленія женщинъ отъ мужчинъ, и въ 1706 году, выбравъ мѣсто на рѣкѣ Лексѣ «за двадцать поприщъ» отъ Данилова скита, начали рубить кельи, часовню и столовую, а также скотный дворъ и все это огородили заборомъ. Туда перевели женщинъ, поставили нѣкую старицу игуменію, а Соломонію, сестру Андрея и Семена Денисовыхъ, надсмотрщицу; затѣмъ дали уставщиковъ пѣвцовъ, псаломщиковъ, словомъ, вполне устроили женскую обитель съ ежедневными богослуженіями.

Обитель выросла современемъ въ богатую и сильную торгово-промышленную общину, въ 1731 году была построена пристань на Пигматѣ у Онега «для приѣзда судовъ съ припасами братскими съ Вытегры». Пристань была построена прочно на сваяхъ и срубкахъ, наполненныхъ камнемъ, съ амбаромъ «двожирнымъ» съ гостиною келію, постоялымъ дворомъ и даже братскими судами для найма постороннимъ, а также и лошадьми для той же цѣли.

Выгорѣцкая обитель скоро сдѣлалась метрополію, нѣкотораго рода «святою землею», откуда распространялось «благочестіе» путемъ проповѣди. Миссіонерское дѣло поморовъ среди «никоніанъ» было устроено въ обширныхъ размѣрахъ и охватило своими тайными нитями почти всю Россію, массаами привлекая къ себѣ неопитовъ всѣхъ возрастовъ, состояній и сословій. Все исходящее изъ Суземка, съ Поморья, было «свято и честно» въ глазахъ старообрядцевъ. О ростѣ старообрядческаго «записного» населенія на самомъ Олонцѣ даютъ свѣдѣніе справки, наведенныя олонецкимъ духовнымъ правленіемъ во время производства дѣла по доносу Халтурина, о которомъ будетъ сказано ниже. Справка эта показываетъ, что въ 1726 году раскольниковъ было 1,816 человекъ, въ 1727 году— 2,291 человекъ, а въ 1729 году число это возрасло до 12,448 человекъ! ¹⁾ Въ послѣдующіе годы прогрессъ шелъ въ такомъ же порядкѣ, слѣдовательно, мы дойдемъ до громадной цифры, если примемъ во вниманіе и тѣ сотни тысячъ «поморскихъ», которые обитали тайно и явно внутри Россіи.

¹⁾ «Раскольниковы дѣла XVIII стол.», Г. В. Есипова, Спб. 1851 года.

II.

Лихіе годы поморцевъ.—Двойной рекрутскій наборъ.—Искусство выгорѣцкихъ стряпчихъ.—Благоувѣтливый Павелъ Ивановичъ.—Самовольцы и безчинники.—Кузнецовъ и Халтуринъ.—Доносъ Халтурина и энергичныя мѣры стряпчаго.—Выпутались.

Но не всегда спокойно ширилось и богатѣло «поморское согла-сіе»: были на нихъ годы лютаго гоненія и жестокой «волокиты» по судамъ, консисторіямъ, архіерейскимъ приказамъ и въ самой пресловутой тайной канцеляріи. Годы эти были бѣдственны для «старцевъ», но урожайны и веселы для той же массы приказнаго люда, въ рукахъ которой обращались «хлѣбныя» дѣла о расколь-никахъ.

Богатое общежителство не скупилось на «дары» и подмазы-ваніе «нужныхъ людей» чрезъ своихъ ловкихъ и умныхъ «ходо-ковъ» около синода и архіереевъ и всегда успѣвало если не от-вратить, то ослабить силу обрушившейся на нихъ бѣды.

Одна изъ сильныхъ напастей стряслась надъ ними въ 1731 году, когда изъ московской камеръ-коллегіи былъ посланъ на Олонецъ указъ, чтобы съ Выгорѣцкихъ пустынныхъ скитовъ и общежителства взять солдатъ въ двойномъ числѣ противъ крестьянъ уѣздныхъ и для того посланъ капитанъ Философовъ, для набора рекрутовъ.

Всполошилось Поморье и прибѣгло къ своему дѣйствительному средству: тотчасъ-же послало въ Москву челобитную, а съ нею и не малое, вѣроятно, количество денегъ, а въ Олонецъ—доношеніе со стряпчимъ, чтобы подождали исполненіемъ указа до результата челобитной въ Москвѣ. Дѣла съ челобитною затянулись около года, а между тѣмъ начали приходить указы, торопящіе производствомъ набора. Стряпчаго посадили за карауль, и поставили «на правезь», онъ молилъ только, чтобъ еще немного подождали. Написали чело-битчикамъ въ Москву, чтобъ дѣйствовали энергичнѣе, и наконецъ искомая лавейка была найдена: «положи Богъ одному генералу Павлу Ивановичу ¹⁾ по сердцу быть милостивому, и всту-пись крѣпко за истинныхъ жителей, и вельми спирашеса, и стояше; также и прочіи премѣнишася къ милосердію, скоро сдѣлаша указъ, чтобы съ выговской пустыни и прочихъ скитовъ солдатъ не спрашивать и впредь не брать». Въ октябрѣ 1732 года, указъ этотъ достигъ Олонца, гдѣ сидѣлъ стряпчій подъ арестомъ, и всѣ «возрадовашася радостію великою».

¹⁾ Здѣсь Иванъ Филипповъ, достовѣрнымъ рассказомъ котораго мы поль-зуемся, благоразумно умалчиваетъ о фамиліи генерала (Ягужинскаго)?

«Скоропишущая трость» руки Ивана Филипова украсила это событіе рассказомъ о чудѣ отъ умершаго уже въ то время Андрея Денисова, который явился въ видѣніи нѣкому «ревнителю» идущимъ на выручку своей обители съ цѣлымъ полкомъ «чудныхъ необычныхъ мужей, вельми свѣтлыхъ».

Вторая большая бѣда случилась вскорѣ послѣ дѣла о наборѣ.

Среди населенія Выгорѣцкой пустыни иногда появлялись «буйные своевольцы и злые безчинники», которые, понимая нелегальное положеніе скитниковъ, позволяли себѣ слишкомъ много относительно ихъ или покушались выманивать деньги подъ угрозою доноса за соращеніе въ расколъ и за недозволенное совершеніе требъ и таинствъ. Старцы старались тушить злобу и усмирять безчинниковъ дома, не доводя до огласки и «московской волокиты», но это не всегда имъ удавалось.

Въ верховскомъ Кадозерскомъ скитѣ, нѣкій Егоръ Гавриловъ Кузнецовъ преступилъ скитскіе уставы, «свинское житіе возлюбилъ, сыскавъ себѣ подобныхъ смрадныхъ блудницъ и нача съ ними жити и водворятися скаречно, блудя безсрамно». Къ этому онъ присоединилъ и воровство по лабазамъ, и вотъ скитники, по неоднократномъ «отеческомъ наставленіи», наконецъ жестоко его избили и выгнали отъ себя вонъ.

Озлобленный Кузнецовъ прибѣгнулъ къ доносу: началъ писать всякія «не былые и не праведные крамолы на неповинныхъ пустынниковъ, еже невозможно и писанію предати». Умысливъ это онъ съ другими, подобно ему обезкураженными насчетъ «прохладнаго житія» въ скитахъ, и, написавъ крамолы, пошелъ съ ними на Москву, чтобы дать дѣлу ходъ. Въ Москвѣ онъ нашелъ толбуйскаго дьячка Петра Халтурина, «перваго коварника и новинамъ Никоновымъ поборника», уже давно точившаго зубы на выговцевъ. Халтуринъ обрадовался обилію обличающаго матеріала, прочитавъ «воровскія письма» Кузнецова, и началъ поощрять ихъ къ доносу, взявшись самъ даже написать челобитную. Но тутъ узналъ о собирающейся на старцевъ грозѣ оборотистый стряпчій выгорѣцкій Стахій Осиповъ, находившійся случайно въ Москвѣ, послѣ поздравленія императрицы Анны Ивановны съ восшествіемъ на престолъ и «ласково принятый» у господъ. Стахій узналъ это чрезъ толбуйскихъ плотниковъ и посгѣшилъ затупить дѣло: началъ уговаривать Кузнецова бросить это дѣло, никакихъ писемъ не подавать и крамоль не заводить и обѣщаль ему дать за это денегъ. Кузнецовъ сдался, получилъ деньги, отдалъ Стахию всѣ письма и бросилъ дѣло. Стахій уѣхалъ въ пустынь и рассказаль о бѣдѣ, а Халтуринъ вновь отыскалъ Кузнецова, оставшагося въ Москвѣ, и снова натравилъ его на доносъ. По оставшимся черныкамъ восстановили челобитную, и Кузнецовъ, зная, что задаренное чиновничество можетъ и не дать хода его бумагѣ, рѣшился подать свою

«плетенцу, клеветы исполненную» въ руки самой императрицы. Подстерегли удобный случай, когда государыня садилась въ карету, и доносъ былъ поданъ въ собственныя руки; но, по странному стеченію обстоятельствъ, императрица передала его тому же доброжелательному генералу Павлу Ивановичу Ягужинскому, который еще прежде по божьему внушенію «крѣпцѣ спирашеса» съ коллегамъ объ отмѣнѣ набора съ выговцевъ. Павелъ Ивановичъ взялъ Кузнецова съ товарищемъ (не Халтуринымъ) за крѣпкій караулъ, а Халтуринъ, наблюдавшій за этой сценой издали, видя такой неблагоприятный оборотъ дѣла, счелъ за лучшее скрыться изъ Москвы, чтобы не попасться въ розыски. Благоувѣтливый къ выговцамъ генералъ придрался къ травамъ и кореньямъ, найденнымъ въ шапкѣ доносчиковъ, и началъ ихъ жестоко пытать — не замышляли-ли колдовство на императрицу? и пыткой добился отъ нихъ показаній, что написали они письмо «яряся на старцевъ», неправедно, «хотяще разореніе навести». Выданъ былъ и Халтуринъ, но его не нашли въ Москвѣ, «человѣкообразенъ-бо змій сей, между человѣки скрыся и необрѣтенъ бысть».

Дѣло по докладу Павла Ивановича, кончилось худо для доносчиковъ: ихъ били плетью и сослали. «Выгопустинніи жителіе умилишася», слыша объ этомъ и воздали моленіе. Но не даромъ «златое теченіе скоропишущей трости» поморскаго бытописателя Ивана Филиппова надѣляло Халтурина нелестными эпитетами «змія», «ехидны» и т. п.—онъ еще далъ себя знать выговцамъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого онъ нашелъ въ Москвѣ нѣкоего Лососева, раскольника изъ Повѣнца, привезшаго въ казну расколичьи оброки, и какимъ-то способомъ выманилъ у него 500 рублей, частію на росписку, а частію такъ. Можетъ быть эти деньги даны были раскольниками Халтуруину и для того, чтобы «зажать ротъ» неснокойному человѣку, но, вѣроятно, вышло несогласіе, и счетчикъ Семень Лососевъ, сдавая деньги въ казну, показалъ недочетъ въ 500 рублей, взятыхъ будто бы Халтуринымъ. Недочетъ съ раскольниковъ, конечно, «доправили», но и Халтурина взяли подъ крѣпкій караулъ,—и начались мытарства.

Въ 1732 году, сидя въ острогѣ, Халтуринъ рѣшился наконецъ «насолить» выговцамъ и написалъ самъ доносъ въ архіерейскій приказъ, доносъ обширный по содержанию, обильный именами, гдѣ головою выдавались всѣ «столпы» и коренники-совратители. Дѣло приняло оборотъ нешуточный, пошло въ синодъ. Въ Петербургѣ опять «прилучися» тотъ же искусный стряпчій Стахій Осиповъ съ товарищами, метнулся онъ къ синодскимъ съ «дарами», тѣ приостановили указъ о «сыскѣ раскольниковъ» по доносу Халтурина, а Стахій подалъ челодитную на имя императрицы Анны Ивановны, чтобы безъ обстоятельнаго розыска не чинили по доносу такого сомнительнаго человѣка, какъ Халтуринъ. Пущены

были въ ходъ всѣ средства со стороны выговцевъ, почувствовавшихъ себя весьма худо, ибо доносъ Халтурина былъ справедливъ.

Челобитная Стахія возымѣла дѣйствіе—дѣло затянулось, войдя въ неисходный лабиринтъ «справокъ» и другихъ канцелярскихъ ухищреній. Прошло три года, Халтуринъ все сидѣлъ за карауломъ, волочась изъ города въ городъ и не зная о результатѣ дѣла о доносѣ. Въ 1735 году, Халтуринъ написалъ новое письмо къ Теофану Прокоповичу, изъ новгородской губернской канцеляріи, гдѣ онъ сидѣлъ, напоминая о сдѣланномъ имъ доносѣ, но письмо, рѣшительно чудомъ, попало въ руки, вмѣсто Теофана Прокоповича,—къ Стахію Осиповичу!!¹⁾ Раскольниковъ стряпчій распорядился съ письмомъ по своему, придрались къ нѣкоторымъ выраженіямъ и послѣ долгой волокиты спросовъ и допросовъ, наконецъ въ 1738 году все дѣло рѣшилось тѣмъ, что доносамъ не дать вѣры, а Халтурина, «яко уже шельмованнаго», сослать на сибирскіе казенные заводы въ работу вѣчно.

Но Халтуринъ умеръ въ острогѣ черезъ три мѣсяца, не дождавшись ссылки.

III

«Послѣдняя горше первыхъ». — Новый безчинникъ—Кругловъ.—Его доносы. — Полная выдача выговцевъ.—Великій страхъ всего поморья.—Мысль о всеобщемъ самосожженіи.—Пріѣздъ страшной комисіи.—Допросы.—«Дивное предложеніе» Круглова.—Отъѣздъ комисіи.—Трагическій конецъ Круглова.

Послѣдняя всегда бываетъ горше первыхъ: новое дѣло обрушившееся на смиренныхъ старцевъ поморскихъ, когда еще не успѣло окончиться халтуринское, обошлось имъ гораздо дороже и надѣлало много хлопотъ.

Виновникъ этого дѣла, олонецкій крестьянинъ Иванъ Ивановъ Кругловъ, играетъ роль совратителя и въ томъ дѣлѣ, предисловіемъ къ которому служатъ настоящія главы, и потому мы его расскажемъ также просто, какъ и предыдущія, чтобы дать болѣе ясное понятіе объ исторіи знаменитаго въ лѣтописяхъ раскола выгорѣцкаго общежительства.

Кругловъ сначала жилъ въ скиту Данилы Викулина «смирень и кротокъ» и за разсторонность его посылали скитскіе старцы по торговымъ дѣламъ на судахъ въ Петербургъ и иные города.

¹⁾ Желających подробнѣе ознакомиться съ ходомъ дѣла о доносахъ на выговцевъ мы отсылаемъ къ прекрасной, но рѣдкой теперь книгѣ Г. В. Есипова «Раскольниковы дѣла, XVIII ст.».

Поторговавъ и нажившись на скитскія деньги, Кругловъ вышелъ изъ братства и началъ торговать на свой страхъ и рискъ, женился, овдовѣлъ и вновь женился въ Выгозерскомъ погостѣ, гдѣ его поставили старостою. Въ старостахъ Кругловъ «вельми нача буе и гордо жити по властельски», за что на другой годъ выгозерцы его въ старосты не выбрали; онъ началъ судиться съ ними у властей Петровскихъ заводовъ, проигралъ тяжбу, былъ наказанъ, посаженъ за караулъ и бѣжалъ къ выговцамъ. За нимъ послали команду на Выгъ. Кругловъ сталъ просить помирить его съ сельчанами, гдѣ онъ былъ старостою; это не удалось, даже при содѣйствіи Семена Денисова, настоятеля даниловскаго скита, и Кругловъ снова очутился въ острогѣ.

Тамъ Кругловъ додумался объявить за собою «слово и дѣло», и его вмѣстѣ съ оговоренными имъ выгозерскими крестьянами, закованными отправили въ тайную канцелярію въ Петербургъ, 18-го марта 1737 года. Здѣсь онъ объявилъ, что одинъ изъ крестьянъ въ попойкѣ говорилъ непристойныя слова про царицу Евдокію, и православный выгозерскій попъ Григорій Гавриловъ вѣнчалъ его, Круглова, за деньги, «по-солонь», противно православному, пораскольничьи. Крестьянъ нещадно выдрали плетьюми, а попа лишили сана, но и Кругловъ не оправдался: его за расколъ вѣрно было отдать въ Синодъ. Подъ стражей онъ заболѣлъ и просилъ исповѣди, но не исповѣдался, а покусился лишить себя жизни, перерѣзавъ чѣмъ-то горло, но неудачно. По выздоровленіи его, въ январѣ 1738 года, къ нему снова приступили съ допросами, а въ февралѣ онъ объявилъ желаніе присоединиться къ православію, и по этому поводу ему прислали вопросы о томъ, кто совратилъ, гдѣ, и прочее. Когда Кругловъ отвѣтилъ на нихъ и отрекся отъ раскола съ проклятіемъ и преданіемъ его анаѣемѣ, отъ него потребовали свѣдѣній: сколько въ скитахъ ихъ мужеска и женска пола людей? и такъ далѣе—все подробнѣе и подробнѣе. Видно старанія выговскихъ стряпчихъ не имѣли того благопріятнаго успѣха, какъ прежде, ибо дѣло, безъ всякаго понужденія, разгоралось все шире и шире, завлекая массу именъ и свѣдѣній обличающаго раскольниковъ характера. Вскорѣ оно приняло совсѣмъ непоправимый объемъ и подробность; Кругловъ изобличилъ все:—начальниковъ, должностныхъ лицъ, перекрещиванье, службы, перечислялъ всѣ скиты и часовни и живущихъ въ нихъ, словомъ—обнаружилъ выгорѣцкія тайны до дна!... Сказалъ даже, что и за царей они со времени Петра Великаго не молятся!

Такой бѣды еще не приходило на выговцевъ!

Спѣшная посылка въ Петербургъ стряпчаго Мануила Петрова, чтобы онъ какимъ нибудь «челобитьемъ» позадержалъ не много дѣло—не помогла. Мануилъ Петровъ узналъ, что онъ опоздалъ, что челобитной не примутъ, такъ какъ уже готово синодское поста-

новленіе о посылкѣ въ выгорѣцкіе скиты цѣлой комисіи для слѣдствія по оговору Круглова, состоящей изъ офицера, конвоя солдатъ, подьячихъ, архимандрита, попа, дьякона и множества понятыхъ!

«И возьмется весь Суземокъ! бысть страхъ велій и трепеть на спасающихся и боящихся Бога. И собрашася со всего Суземка лучшіе люди во общежительство, начаша думати, что сотворити»?...

Почуявъ себя разоблаченными до самыхъ сокровенныхъ тайнъ, не будучи въ состояніи прибѣгнуть къ своему столь спасительному средству хожденія около склонныхъ къ божьему наитію генераловъ, выговцы, дѣйствительно, почували было свой послѣдній конецъ, и на совѣщаніи масса голосовъ раздались за «всеобщее самоожженіе», за истребленіе огнемъ всего Поморья!... Не хотѣвшимъ горѣть предлагалось бѣжать еще дальше къ сѣверу, на острова, но не даваться въ руки комисіи!... Способъ былъ излюбленный и популярный; къ мысли о самосожженіи были готовы всѣ, притомъ же и славный, мученическій, въ глазахъ поморовъ, подвигъ палеостровскихъ затворниковъ былъ у всѣхъ въ памяти. Если жглись отдѣльными скитами—такъ отчего-же не сожечься всѣмъ? и этимъ запечатлѣть свою непоколебимую привязанность къ старой вѣрѣ. Однако до такого поистинѣ ужаснаго дѣла не дошло: нашлись благоразумные люди, начавшіе отговаривать отъ этого, чтобы «безсловесно не страдать», а изыскать другія средства оправдаться предъ правительствомъ. «Лучшіе мужи» со всего Суземска рѣшили вновь написать челобитную императрицѣ и «книгу отвѣтную» и послать искуснаго Стахія Осипова въ Петербургъ на помощь Мануилу Петрову. Въ Петербургѣ Мануилъ Петровъ, узнавшій дѣло хорошо, отговорилъ снова Стахія Осипова что-либо начинать, ибо слѣдственная комисія уже отъѣхала изъ Петербурга въ олонекскую губернію. Одна усердная скитница добилась какъ-то къ герцогу Бирону, но тотъ ничего не сдѣлалъ, и всѣ стряпчие помчались на Выгъ, обогнали слѣдственную комисію на дорогѣ и рассказали, что рѣшительно сдѣлать ничего нельзя—а не будетъ-ли податлива на скитскую ласку сама комисія? Начали готовиться къ приему комисіи и допросамъ. Мысль о самосожженіи все-таки не исчезла: на всякій случай «тихимъ словомъ», приказано было изготовить мѣста для запора и снабдить горючимъ матеріаломъ для поджога и въ Лексинской женской обители, и въ Даниловскомъ скиту, и по прочимъ скитамъ и обителямъ.

Наконецъ, слѣдственная комисія съ ассесоромъ О. Т. Квапнинымъ-Самаринымъ во главѣ, состоящая болѣе чѣмъ изъ сорока человекъ, пріѣхала на Шунгу, погостъ на сѣверныхъ берегахъ Онежскаго озера, оттуда къ Волозеру въ небольшой скитокъ Захарія, затѣмъ къ Данилову скиту на Выгъ, куда и пріѣхала внезапно 27-го марта 1737 года. Начались допросы. Семень Денисовъ спрятался и велѣлъ сказать, что онъ уѣхалъ въ Каргополь по дѣламъ,

а между тѣмъ тайно видѣлся съ братією и научалъ, какъ говорить на допросахъ. Къ Самарину, архимандриту бѣлозерскаго монастыря Кириллу (который также состоялъ при слѣдственной комисіи) и даже къ солдатамъ забѣжали съ гостинцами; ихъ, по словамъ Ивана Филиппова, не приняли, но все-таки строгій по началу Самаринъ вдругъ смягчился и сказалъ Минуилу Петрову:

— Давайте людей къ допросу помаленьку, пошлите хорошихъ людей, которые бы ни на себя, ни на васъ не напутали напасті!..

Допросы пошли какъ по маслу, ловкіе отвѣты старцевъ гдѣ вся вина падала или на умершихъ, или на безвѣстно пропавшихъ, похваливали даже сами подъячіе, и страхъ пустынниковъ поотпалъ. Вдругъ Самарину кто-то, яко Гуда, шепнулъ, что Семень Денисовъ тутъ же въ монастырѣ, только прячется, Самаринъ пошелъ его отыскивать и нашелъ гдѣ-то въ чуланѣ.

На очной ставкѣ съ Денисовымъ доносчикъ Кругловъ яростно закричалъ:

— Его-то и надобно!.. Онъ-то и есть матка всему, другіе только дѣтки! Онъ-то и совратилъ все Поморье! да и Россію всю совратить! Теперь вашему ученію конецъ!

Семень Денисовъ поклонился Круглову и «кратко» отвѣчалъ:

— Напрасно Иванъ Ивановичъ клеветещь! Богъ видитъ твою и нашу правду!..

Денисова заковали, начали допрашивать, а потомъ вся комисіа изъ Данилова скита вмѣстѣ съ закованными раскольниками и конвоемъ, выѣхала на Шунгу, и допросы пошли своимъ порядкомъ.

Услышавъ объ арестѣ своей «матки», Семена Денисова, всѣ раскольники пришли въ неописанное смятеніе, подумали, что всему конецъ и начали собираться къ сожженію, особенно въ Лексинской обители. Этого испугался и самъ Самаринъ, велѣлъ Денисову написать увѣщаніе и послалъ на Лексу съ Иваномъ Филипповымъ. Бѣду отвратили, допросы продолжались, но такъ тайно, что Иванъ Филипповъ даже въ своей «Исторіи Выговской пустыни» не сказалъ, о чемъ его спрашивали, хотя исторія эта назначалась достояніемъ только раскольниковъ. Но вдругъ, совершенно неожиданно, совершилось «дивное предложеніе Круглова, силою невидимаго Бога»—Кругловъ, на одной изъ очныхъ ставокъ въ Шунгѣ, объявилъ, что показывать больше ничего не будетъ, что доносъ онъ сдѣлалъ по злобѣ, ложный, а нынѣ, боясь суда Божія и радѣя о душѣ, все отвергаетъ, и будь за то на немъ воля государыни!.. Удивленная комисіа начала Круглова пытать, но ничего не добились, ибо онъ крѣпко стоялъ на своемъ и все отвергалъ!.. Самаринъ наконецъ отправилъ его въ Петербургъ за конвоемъ, а самъ остался въ Шунгѣ, ожидая, что велитъ ему дѣлать синодъ и тайная канцелярія, такъ какъ главное его дѣло по слѣдствію было испор-

чено отречательствомъ Круглова да и пылъ его прошелъ почему-то, такъ какъ онъ находилъ, что разбросанность скитовъ мѣшаетъ ему производить допросы.

Страшное по началу дѣло было смято и затерто сразу.

Въ сентябрѣ 1739 года велѣно было освободить Семена Денисова и прочихъ «лучшихъ мужей» выговскихъ, а въ январѣ 1740 года и Самаринъ со всею комиссіею выѣхалъ изъ Олонецкой губерніи въ Петербургъ съ небольшими результатами слѣдствія.

Выгорѣцкая обитель вздохнула свободно, и опять чудомъ избежала бѣды.

Доносчикъ Кругловъ кончилъ худо: послѣ безуспѣшныхъ увѣщаній синода и тайной канцеляріи, его били кнутомъ и, вырвавъ ноздри сослали въ Рогервикъ на каторгу вѣчно. Это было 20-го сентября 1739 года, а въ февралѣ 1741 года Круглова, вмѣстѣ съ другими, перевели въ Кронштадтъ.

Въ Кронштадтѣ онъ, какъ видно изъ слѣдующаго за симъ дѣла, занимается совращеніемъ людей въ расколъ и весьма успѣшно. Никита Прокофьевъ Пищальниковъ, молодой ярославецъ — лавочникъ, прельстившись разказами Круглова о праведномъ житіи на Выгѣ, бѣжитъ туда, захвативъ изъ хозяйской кассы денегъ на дорогу, и изъ этого возникаетъ цѣлое дѣло.

Въ 1744 году, въ мартѣ, Кругловъ вдругъ не захотѣлъ идти къ исповѣди и причастію, возвратясь вновь къ расколу. Его выдрали кошками, но безуспѣшно; послали ученаго священника для увѣщанія—Кругловъ наотрѣвъ объявилъ, что до конца будетъ вѣренъ «выговскому согласію». За это его, «яко сосудъ непотребный» велѣно посадить въ Шлиссельбургъ въ неисходную тюрьму, замурававъ двери и окна. Тамъ Кругловъ началъ морить себя голодомъ, не принимая пищи, и черезъ 20 слишкомъ дней, 17-го ноября 1745 года, разобравъ двери камеры, Круглова нашли мертвымъ.

IV.

Новое необнародованное дѣло по доносу священника. — Выгорѣцкія мощи Корнилія, Виталія и Кирилла. — Допросъ Тучина. — Совратители въ Петербургѣ. — Поморскіе учителя въ Москвѣ до основанія покровской моельни. — Тучинъ ѣдетъ въ скиты. — Первоначальное ознакомленіе. — У старца Терентья. — Постъ и крещеніе въ расколъ на Умбѣ.

Описавъ кратко возникновеніе и судьбы знаменитой Выговской пустыни отъ самаго ея начала до цвѣтущаго уже періода, почти за цѣлое полустолѣтіе, мы перейдемъ къ дѣлу, возникшему въ Пе-

тербургѣ по поводу обнаружившагося «совратительства» поморовъ, которое всегда причиняло имъ бѣды, какъ это видно изъ предыдущихъ главъ.

Настоящее дѣло, въ первый разъ являющееся въ печати и извлеченное изъ древнихъ синодальныхъ дѣлъ о раскольникахъ, интересно, и какъ бытовья картины отшедшаго въ вѣчность стараго времени, и какъ новые матеріалы для дальнѣйшей и болѣе полной исторіи выгорѣцкаго согласія, роль котораго въ исторіи раскола — одна изъ первостепенныхъ. Оно заключаетъ частность, имѣющую большую важность для исторіи раскола, не встрѣчающуюся ни въ одномъ изъ предшествующихъ дѣлъ, — именно свѣдѣніе о «нетлѣнныхъ мощахъ», имѣвшихся у выгорѣцкихъ раскольниковъ.

Но будемъ рассказывать это дѣло такъ, какъ оно сохранилось въ бумагахъ того времени, сообщенныхъ намъ редакціею «Историческаго Вѣстника».

Въ посту 1746 года у священника церкви Сергія Радонежскаго въ Петербургѣ, Игнатія Васильева, исповѣдывался огородникъ Иванъ Федоровъ Тучинъ, и между прочимъ сказалъ, что года полтора тому назадъ онъ состоялъ раскольниковомъ поморскаго согласія. Священникъ началъ выспрашивать Тучина поподробнѣе, и тотъ сообщилъ ему, что на Выгѣ есть и нетлѣнныя мощи. Священникъ обрадовался, свѣдѣніе это было новостью; ревнуя о церкви, онъ рѣшилъ донести объ этомъ синоду, но колебался или его уговаривали дѣла не начинать.

Однако въ слѣдующемъ 1773 году, 6-го февраля, отъ священника поступило въ синодъ «нижайшее доношеніе». Въ немъ священникъ не преминулъ упомянуть, что Ивану Тучину «въ совершеннѣйшее тоя прелести омерзѣніе было отъ него нѣкоторое наставленіе». Далѣе онъ говоритъ, «что-де выгоцкіе раскольники, сверхъ всякихъ ко прелести своей увѣщаній, показываютъ еще въ лучшее вѣры своея утвержденіе, нѣкоихъ трехъ святыхъ, явившихся въ Олонецкомъ уѣздѣ, жившихъ во плоти близъ Даниловскаго скита, на рѣкѣ Выгу, именами Корнилій и Витарій (Виталій), а третьяго не упомнить (Кирилль). И по представленіи-де ихъ уже съ пять-десять лѣтъ¹⁾, мощи ихъ нетлѣнны суть. Что-де имъ есть великимъ оправданіемъ о несогласіи ихъ съ нынѣшнимъ церковнымъ преданіемъ и свидѣтельствомъ правоты ихъ. О которыхъ-де святыхъ мощахъ знаютъ нѣкоторые с.-петербургскіе купцы. А онѣи-де святіи въ жизни сей пророчески, духомъ святымъ, пред-

¹⁾ Это три славныхъ и популярныхъ у поморцевъ святыхъ имени. О жизни ихъ сохранилось много свѣдѣній; они — одни изъ первоначальниковъ поморскихъ пустынь. Кирилль и Виталій умерли до начала Данилова скита, а Корнилій въ 1695 году, въ годъ основанія.

возвѣщали, что-де сіе пустое мѣсто (гдѣ они всельшеса обитали) будетъ по нихъ тоя ихъ вѣры народомъ многимъ, живущимъ съ женами и со скоты, населено, что-де по пророчеству ихъ и сбытсѣя. Отчего я, низжайшій, сомнительство возымѣлъ, извѣстно ли до нынѣ святѣйшему правительствующему синоду о вышеозначенныхъ лжеподставныхъ отъ раскольниковъ святыхъ, аки бы въ заблужденіи ихъ просіявшихъ и нетлѣніемъ тѣлесъ отъ Бога прославленныхъ, и привлеченіи раскольниками тою лжею, аки знатымъ чудомъ, сыновъ святыхъ церкви къ своему ихъ заблужденію. Буде же въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ о вышеписанныхъ, раскольниками прославляемыхъ, тѣлахъ, аки бы святыхъ, извѣстія доднесъ еще не было, то нынѣ чрезъ меня, низжайшаго, вашему святѣйшеству симъ благопокорно объявляется. О семъ пространѣйшее можетъ дать извѣстіе объявившій мнѣ вышесказанный Иванъ Ѳедоровъ».

Трудно сказать, съ согласія ли самого Тучина сдѣлалъ священникъ этотъ доносъ?—только онъ затулилъ этимъ Тучина въ многолѣтнюю волокиту по допросамъ, очнымъ ставкамъ и прочимъ пріятностямъ прежняго синодскаго раскольникьяго процесса.

Дѣлу дали немедленный ходъ: уже черезъ три дня, 9-го февраля, Иванъ Ѳедоровъ Тучинъ стоялъ въ канцеляріи синода и показывалъ:

«Родомъ онъ Ростовскаго уѣзда, вотчины синодальнаго члена, преосвященнаго Арсенія, митрополита ростовскаго, села Порѣчья крестьянинъ. О прежнемъ своемъ расколѣ и о мощахъ въ Олонцкомъ уѣздѣ священнику говорилъ. А той раскольнической прелести сперва наученъ онъ здѣсь, въ С.-Петербургѣ, въ началѣ 741 года, пріѣхавшимъ съ Олонца, изъ Даниловскаго скита, раскольниковъ Кузьмою Львовымъ, который похвалялъ ихъ тамо въ скитахъ житіе и двоеперстное креста сложеніе, и что онымъ подобаетъ креститися всѣмъ; а ныне-де тотъ Кузьма въ ономъ-ли Даниловскомъ, или въ другихъ скитахъ живетъ, или же въ С.-Петербургѣ пребываетъ,—о томъ онъ не свѣдалъ. Да того же согласія пріѣзжающій въ С.-Петербургъ изъ того жъ даниловскаго скита раскольникъ Иванъ Никифоровъ, братъ по матери Дорофѣеву (который, какъ онъ слышалъ, природою города Бѣлева, изъ купечества, и живетъ въ Москвѣ и имѣетъ на Нѣмецкомъ рынкѣ, противъ кузницъ, мучной и харчевой въ лавкѣ торгъ, и приходится братомъ по матери с.-петербургскому купцу Афанасью Афанасьеву Дорофѣеву, и отецъ ихъ Афанасій Ивановъ и мать Дарья Ипатьева состоятъ въ расколѣ; и оный отецъ обрѣтается въ Олонцѣ, а мать въ Москвѣ при дѣтяхъ онаго Ивана Никифорова). Въ ономъ же 741 году, въ осень, по имѣющемуся чрезъ показаннаго раскольника Кузьму Львова, приходя къ нему, Ивану, на наемный при домѣ генераль-маіора князя Дадіани огородъ, ему, Ивану, говаривалъ, чтобъ онъ сообщился въ ихъ

согласіе, и ежели-де желаетъ потрудиться за грѣхи свои, то-де у нихъ есть такія мѣста въ Олонцѣ, а буде хочеть, то и въ Москвѣ есть же. А потомъ, будучи онъ, Иванъ, съ нимъ же, Никифоровымъ, по лѣту при морскомъ рынокѣ мучного ряда въ лавкѣ у раскольника дмитровца, Ивана Петрова (который и нынѣ въ томъ ряду торгуетъ), на верху той лавки, въ чердакѣ, таковыя жъ слова онъ, Никифоровъ, ему, Ивану, говорилъ же; и ежели онъ, Иванъ, имѣетъ намѣреніе туда, въ скиты побывать, то-де тамо ихъ житіе и увидитъ. Потомъ и оный Иванъ Петровъ, когда къ нему онъ, Иванъ, приходилъ въ ту лавку, тогда онъ, Петровъ, въ показанномъ же чердакѣ ему, Ивану, читывалъ раскольческой прелести письменныя тетрадки, а потомъ и онъ, Петровъ, приходя къ нему, Ивану, на вышениванный огородъ и съ матерью своею Анною, а чья дочь—сказать онъ не упомянуть, и имѣли многожды о раскольнической прелести разговоры и уговаривались въ Олонецъ, въ скиты, ѣхать вмѣстѣ, понеже, какъ онъ, Петровъ, ему сказывалъ, что и онъ тамо не бывалъ же и желаетъ посмотрѣть. А третично увидясь, онъ же, Иванъ Никифоровъ, говорилъ ему, Ивану, что тамъ-де, въ Олонцѣ, вверхъ по Выгѣ рѣкѣ, за даниловскимъ и сергіевскимъ скитами, версть шесть или семь, а точно сказать не упомянуть, по правую сторону сергіевского скита ¹⁾, той же ихъ раскольнической прелести въ прошлыхъ годахъ жили двое пустынножителями, Корнилій и Витарій (Виталій), о которыхъ-де въ бытность его, Никифорова, какъ-де онъ былъ въ Олонцѣ, «за мхами», у старца Терентья, тотъ Терентій сказывалъ, что оныя умерли назадъ тому лѣтъ съ пятьдесятъ и о житіи-де ихъ, какъ они постъ и трудъ имѣли, тетрадки ²⁾ ему, Ивану, показывалъ, которые-де по смерти своей и понынѣ, проявясъ отъ земли, лежатъ нетлѣнны. Онъ же-де Никифоровъ сказывалъ и о третьемъ такомъ же пустынножителѣ, токмо-де какъ ему имя (Кириллъ) и гдѣ онъ лежитъ, сказать не припомнить; но которой-де раскольнической вѣры, тѣ тѣла и по нынѣ лежатъ нетлѣнны. И когда жъ-де онъ, Иванъ, будетъ тамо, въ Олонцѣ, и доищется старца Серапіона, который превесма искуснаго житія, и оный-де Серапіонъ, приходящихъ въ ихъ согласіе людей перекрещиваетъ и исповѣдываетъ; а держатъ-де онаго старца раскольники въ даниловскомъ скиту тайно, а житіе-де оной старецъ имѣетъ на Олексѣ

¹⁾ Старецъ Сергіій пришелъ на Выгъ раньше «заводу монастырскаго Данилова», помогалъ строить келью Корнилию и собралъ братію, вопреки волѣ Корнилія, еще раньше Данилова скита, учредивъ скитъ, носившій его имя.

²⁾ Раскольничья «Повѣсть о житіи преподобнаго отца Корнилія, иже бысть на Выгу рѣцѣ», издана С. В. Максимовымъ. Спб., 1861 года. Тамъ находятся свѣдѣнія о Кириллѣ, и о Виталіи. О нихъ также много говорится и у Ивана Филиппова, въ «Исторія Выговской пустыни».

(Лексѣ) рѣкѣ, ихъ же толку въ женскомъ алексинскомъ скиту ¹⁾. И по вышеписанному съ Иваномъ Никифоровымъ знакомству, того жъ года, сначала лѣта, ходилъ онъ въ имѣющей подѣ Невскимъ монастыремъ, на землѣ княгини Черкасской, показаннаго купца Афанасья Дорофѣева мучной лабазъ, къ прикащику его, вотчины ростовскаго архіерея, села Николы-бой, Ивану Филимонову, который ему въ томъ лабазѣ читывалъ старопечатныя книги о вѣрѣ и двоеперстномъ креста сложеніи; да притомъ же, ему жъ, Ивану, въ томъ же лабазѣ работникъ онаго жъ Афанасья Дорофѣева, города Романова купецкій человекъ Илья Федоровъ, который съ показаннымъ Иваномъ Филимоновымъ состоитъ въ согласіи, сказывалъ и похвалялъ двоеперстное сложеніе, и когда случалось у нихъ обѣдывать, то они съ нимъ вмѣстѣ не ѣдали, а ѣли особо, яко бы имъ не ихъ прелести съ людьми ѣсть не надлежитъ. И показанный же Иванъ Филимоновъ сказывалъ ему, Ивану, что онъ Иванъ Филимоновъ, въ даниловскомъ скиту старцемъ Филиппомъ (который, назадъ тому лѣтъ съ восемь или болѣе, въ бытность тамо комисіи сгорѣлъ) перекрещиванъ. А въ 742 году, сначала зимы, ѣздилъ онъ, Иванъ, изъ Петербурга въ Москву для смотрѣнія состоящихъ тамо, по совѣту показаннаго Ивана Никифорова, раскольниковъ, и по приѣздѣ отыскалъ онъ, Иванъ, его Никифорова, живущаго въ Москвѣ у покровскаго рынка, что за Яузой рѣчкой, въ домѣ московскаго купца Ивана Алексѣева Мучникова, и просилъ его, Никифорова, чтобы онъ ему показалъ раскольническихъ учителей, отъ которыхъ онъ желалъ той ихъ прелести обучитися, по которой его просьбѣ онъ, Никифоровъ, водилъ въ Покровскую улицу, близъ пильной мельницы, въ домъ даниловскаго толку къ учителю Моѣю Гаврилову (который превращаемыхъ въ свою прелесть перекрещиваетъ и исповѣдываетъ, отъ котораго онъ слышалъ, что онъ напредъ за таковое же перекрещиванье былъ и розыскиванъ въ бывшей въ Москвѣ комисіи, а въ какой именно, не упомнить; а взять-де былъ въ ту комисію изъ Стародуба ²⁾). только онъ въ томъ не признался, за которые его розыски, какъ Никифоровъ, такъ и прочіе, называли его, яко бы за правую вѣру

¹⁾ Серапіонъ поселился на Лексѣ лѣтъ за пятьдесятъ предъ симъ и былъ уже въ глубокой старости.

²⁾ Стародубскія слободы, Черниговской губерніи, также играютъ важную роль въ исторіи раскола. Впервые стародубскіе дѣса были заселены бѣглецами-раскольниками, спасавшимися отъ розысковъ послѣ стрѣлецкаго бунта, и ласково принятыми панами, какъ новые данники. Много лѣтъ спустя, въ 1765 году, по разореніи Вѣтки (славныхъ раскольничьихъ поселеній въ Польшѣ) стародубовцы перевезли отсюда къ себѣ упраздненную церковь Покрова, и съ этихъ поръ разрослись и расширились до громаднѣхъ размѣровъ.

страдальцемъ, да и о себѣ оный Мокѣй Гавриловъ объявлялъ, что онъ яко бы перекрещиванъ отъ вышедшаго въ даниловскій скитъ изъ Соловковъ старца ¹⁾, и означенный Мокѣй Гавриловъ его, Ивана, довольно о той ихъ прелести разговаривая отъ книжнаго писанія наставлялъ и говорилъ, еже ли онъ, Иванъ, совершенное намѣреніе въ ихъ согласіе идти имѣеть, то онъ его перекреститъ. А потомъ Иванъ Никифоровъ водилъ его въ Преображенскую слободу къ раскольническимъ учителямъ: Михаилу Кириллову, Максиму Маркову, которые жителство имѣли вмѣстѣ съ позументщикомъ Ѳедоромъ Никитинымъ, да того жъ толка въ ихъ учителямъ же Ипату Григорьеву, да Ѳедору Михайлову, да приѣхавшему изъ Данилова скита Григорью Яковлеву, которые всѣ

Выгорѣцкая старообрядческая пустынь въ XVIII столѣтія.

его своей прелести учили, и свои раскольническія книги и тетрадки читали; токмо по ихъ прелести не крестился. И отъ онаго жъ Никифорова слыхаль, что показанный Михайло Кирилловъ и Мокѣй Гавриловъ вечерни, часы, заутрени и прочее служеніе, кромѣ литургіи, отправляютъ, а самъ чинимыхъ ими дѣйствій не видалъ».

Эта часть показаній Ивана Тучина интересна для исторіи, потому что рисуеть намъ распространеніе поморскаго толка въ Москвѣ, до возникновенія тамъ первой Монинской поморской молельни и богадѣленъ при ней.

Поживъ въ Москвѣ двѣ недѣли и насмотрѣвшись на раскольничьихъ учителей, Тучинъ, къ совращенію котораго были примѣ-

¹⁾ «Старцы изъ Соловковъ»—это уловка, къ которой поморы всегда прибѣгали, когда надо было указать на лицо перекрещивателя. На нихъ же, безъименныхъ, валили вину выговцы и предъ Самаринымъ.

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1883 г., т. XIII.

нены всѣ мѣры, убѣдился наконецъ въ ихъ правотѣ и, съ твердымъ рѣшеніемъ перейти въ расколъ, поѣхалъ изъ Москвы сначала домой, въ Ростовскій уѣздъ за паспортомъ, а потомъ въ Петербургъ, гдѣ попрежнему держалъ изъ найма огородъ.

«А послѣ онаго 742 года, согласясь съ Иваномъ Филимоновымъ, да съ крещенымъ шведомъ Дмитріемъ Ивановымъ, поѣхали для принятія по ихъ прелести крещенія въ Олоонецъ, въ Даниловскій скитъ; и Дмитрію Иванову Иванъ Никифоровъ за его бѣдность и что онъ въ расколъ сталъ быть склоненъ по его увѣщанію далъ отъ себя на дорогу нѣсколько денегъ, такожь и отъ прочихъ въ милостыню ему собралъ, а когда они собирались къ поѣздкѣ туда, къ стоящему противъ показаннаго Дорофѣева лабаза на судно, тогда означеннаго Дорофѣева прикащикъ, Романовскаго уѣзда крестьянинъ, Емельянъ Дмитріевъ Олсуфьевъ, одному-жь Дмитрію Иванову далъ денегъ на дорогу рубль. А поѣхали они на суднѣ Олоонецкаго уѣзда, Челмужскаго погоста крестьянина, записнаго раскольника Авдѣя Антипова Толочанина, который на томъ суднѣ и довелъ ихъ до пристани, называемой Пигматка. Да съ ними-жь ѣхалъ Даниловскаго скита раскольникъ Иванъ Григорьевъ, по прозванію Мошенниковъ ¹⁾, а пригорода Навгорода купецъ, да изъ Берцовскаго скита раскольникъ Степанъ Ивановъ съ сыномъ. И по пріѣздѣ, поѣхали, онъ Иванъ, и Иванъ Филимоновъ, да Дмитрій Ивановъ и показанные раскольники Иванъ Григорьевъ въ Даниловскій скитъ и, по пріѣздѣ въ оный скитъ, Иванъ Григорьевъ отъ нихъ отсталъ и пошелъ въ свою квартиру ²⁾, а онъ, Иванъ, и Филимоновъ, и Ивановъ, въ называемое ими, раскольниками гостинное мѣсто къ расколку Ивану Максиму по прозванію Устьзору и ночевали у онаго сутки».

Иванъ Филимоновъ отправилъ крещенаго шведа въ малый Корельскій скитъ къ учителю Никитѣ Данилову, такъ какъ шведъ былъ безъ паспорта. Живя въ гостиницѣ, Тучинъ ходилъ къ службѣ, но его въ часовню, какъ еще неперекрещеннаго, не пускали; служилъ учитель Иванъ Гавриловъ. Иванъ Филимоновъ послалъ Тучина къ знаменитому выгорѣцкому адвокату, и впоследствии настоятелю Даниловскаго скита, Мануилу Петрову, чтобы онъ позволилъ пожить

¹⁾ Иванъ Григорьевъ Мошенниковъ часто упоминается въ доносѣ Круглова. Такъ, однажды Мошенниковъ говорилъ Круглову, что мастеръ на кирпичномъ заводѣ обители Тувачевъ—бѣглый солдатъ, котораго Семенъ Денисовъ, сидя подъ арестомъ въ Новгородѣ при Іовѣ митрополитѣ, совратилъ въ расколъ и вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ на Выгъ.

²⁾ При подробномъ перечисленіи всѣхъ келій Даниловскаго скита съ именами живущихъ въ нихъ, Кругловъ не забылъ и келью Мошенникова: «да по среди того скита двадцать пятая келья, въ ней живетъ новгородецъ посадскій человекъ, Иванъ Григорьевъ сынъ Мошенниковъ».

въ скиту, и тотъ позволилъ Тучину, отославъ для лучшаго утвержде-
нія въ расколѣ къ учителю Данилѣ Матвѣеву. Продержавъ Тучина въ
гостиницѣ недѣлю и взявъ съ него за прокормъ рубль денегъ ¹⁾,
Иванъ Филимоновъ повелъ Тучина изъ скита «за мхи», сначала въ
малый Корельскій скитъ къ Никитѣ Данилову, а черезъ двое сутокъ,
захвативъ крещенаго шведа и сына Никиты, Якова, всѣ въ четве-
ромъ отправились къ нѣкому старцу Терентію, «который живетъ
собрався особо отъ всѣхъ».

«И когда они шли по берегу вверхъ Выга рѣки, и мимо Сер-
гѣевского скита, тогда онъ, по словамъ показаннаго Ивана Ники-
форова, по другую сторону той же рѣки видѣлъ огороженный
заборомъ дворъ и тамъ часовню, а какое оное мѣсто, о томъ у
тѣхъ своихъ товарищей не спросилъ ²⁾. И по приходѣ къ оному
старцу, жили они всѣ четверо трое сутокъ, а потомъ, по просьбѣ
Филимонова, тотъ старецъ принялъ его, Иванова и Дмитрія Ива-
нова, къ себѣ въ скитъ».

Филимоновъ далъ старцу Терентію нѣсколько денегъ «въ мило-
стыню» и ушелъ съ Яковымъ назадъ. Терентій заставилъ ихъ по-
ститься весь великій постъ, а по прошествіи того поста, Ивана Тучина,
Дмитрія Иванова, да еще «отставнаго прапорщика морскаго флота»
Ивана Андреева, да матроса Михайла Петрова, да города Романова
купца Никиту Прокофьева (Пищальникова), того скита лже-
учитель Матвѣй Ермоловъ всѣхъ по своей прелести въ лежащей
подлѣ онаго скита рѣкѣ Умбѣ перекрестилъ и нарекъ имъ имена
всѣмъ Игнатіями ³⁾, и первые съ нихъ кресты онъ снялъ, а по-
ложилъ свои раскольническіе».

Мѣдные кресты суземской работы, литые, осмиконечные, были
въ большомъ уваженіи у раскольниковъ поморскаго согласія и рас-
ходились по всей Россіи въ громадномъ количествѣ. Наравнѣ съ
крестами, въ Олонецкомъ уѣздѣ лились изъ мѣди складни, деи-
сусы и образа съ грубо сдѣланными барельефомъ изображеніями
Христа, Богородицы и святыхъ. Это была одна изъ важныхъ ста-
тей дохода выгорѣцкихъ раскольниковъ.

¹⁾ Въ доносѣ Халтурина говорится между прочимъ, что Иванъ Филимоновъ
въ домѣ своемъ держитъ для раскольниковъ постой, т. е. постоянный дворъ или
гостиницу. Понятно, почему онъ получаетъ деньги съ Тучина за прокормъ.

²⁾ Никифоровъ указывалъ имъ на могилы Корнилія и его «спостника» Ви-
талія, но не объяснилъ, такъ какъ Тучинъ не спрашивалъ.

³⁾ Обычай нарекать одно имя всей партіи новоперекрещиваемыхъ былъ,
какъ видно, въ употребленіи у выговцевъ. Въ показаніи Круглова встрѣчается
такой же фактъ: старика Круглова и нѣкаго Дементья старецъ Θεодосій кре-
стилъ на Выгѣ и нарекъ обояхъ Иванами.

V.

Житіе въ скитахъ.—Тайные раздоры скитскихъ старцевъ между собой.—Тучина не пускаютъ посмотрѣть мощи.—Тучинъ самъ принимаетъ участіе въ тайныхъ проискахъ.—Разочарованіе Тучина въ чистомъ благочестіи выговцевъ.—Отъѣздъ въ Москву и новый учитель.—Переходъ въ православіе.—Тучинъ на синодской цѣпи.

Крестившись, Тучинъ остался въ скиту Терентья, и его при богослуженіи стали уже допускать внутрь часовни, какъ «своего». На него, по скитскимъ правиламъ, наложили «послушаніе»—заставили исправлять пономарскую должность и въ то же время продолжали «утверждать» въ вѣрѣ самъ Терентій и еще ивкій старецъ Филаретъ. Но утвержденіе это имѣло особенный, для самого Тучина странный и неожиданный, оттѣнокъ: Терентій, заполучивъ зажиточнаго огородника въ ученики, захотѣлъ укрѣпить его за собою однимъ и охладить его къ даниловскимъ старцамъ. Безъ сомнѣнія въ Терентѣ сильно говорили и зависть къ даниловцамъ, богатымъ и вліятельнымъ, неограниченно господствовавшимъ на всемъ Поморьѣ. Наружно подчиняясь даниловцамъ, ибо открытый разрывъ съ ними былъ-бы равносильенъ изгнанію изъ Суземка, и даже заискивая передъ ними, чтобы получать чрезъ нихъ учениковъ и «кормиться»,—Терентій изъ подтишка внушаетъ ученикамъ-неофитамъ, что даниловцы слишкомъ «обміршились», входя въ тѣсныя сношенія съ никоніанами, что благочестіе ихъ зѣло пострадало и упало отъ этого, и что строгое и спасительное ученіе сохранилось только въ уединенныхъ и малыхъ скитахъ, въ родѣ его, Терентьева.

Да кромѣ того Терентій указывалъ и на какія-то разности въ «писаніи», вслѣдствіе чего онъ и «собрался особо отъ всѣхъ», чтобы чище сохранить ученіе.

О мощахъ Терентій подтвердилъ слышанное Тучинымъ раньше и также читалъ ему тетрадки о житіи ихъ и о пророчествахъ насчетъ заселенія пустаго мѣста. «Они погребены въ вышеписанномъ по Выгѣ рѣкѣ лежащемъ кладбищѣ и лежатъ за чистое свое житіе нетлѣнны».

Тучинъ захотѣлъ посмотрѣть ихъ и поклониться, но это его желаніе не исполнилось по весьма странной причинѣ, обнаруживающей внутренніе раздоры, существовавшіе между различными скитами, именно—Тучина на кладбище не пустили, «понеже согласниковъ того старца (Терентья) въ то кладбище и скиты къ себѣ не пускаютъ»!... Это обезкуражило Тучина, человека увѣровавшаго уже въ немолодыхъ лѣтахъ и не отъ нищеты прибѣгшаго въ расколъ, а по убѣжденію. Тутъ еще больше выросло его

недовольство «нестроеніями» старцевъ, поселенное навѣтами Терентія, истинную причину которыхъ практической умъ Тучина увидѣлъ скоро.

Живя у Терентя въ скиту, Тучинъ «для посмотрѣнія вѣры» ходитъ по другимъ скитамъ и между прочимъ въ малый Корѣльскій скитъ, держащійся «Терентьева согласія»; тамъ его училъ Яковъ Никитинъ, сынъ наставника; у него находилась тамъ жена Александра, да сестра-дѣвка Авдотья.

Нѣсколько времени спустя, Иванъ Тучинъ услышалъ, что въ Даниловскій скитъ пріѣхалъ его петербургскій знакомецъ и совратитель, лабазникъ Иванъ Петровъ въ матерью Анною, да старухою, по прозвищу Мокѣвою. Тучинъ поѣхалъ къ нему повидаться, и Петровъ, пріѣхавшій съ большими деньгами и принятый ласково даниловцами, сообщилъ Тучину, что свою мать и старуху отдалъ «въ наученіе» даниловскимъ «первачамъ» Мануилу Петрову да Алексѣю Андрееву¹⁾, которые ихъ и свезли изъ Даниловскаго скита на рѣку Лексу, въ женскій скитъ.

Тучинъ, желая порадовать своему учителю Терентю, да отчасти и уязвленный самомнѣніемъ даниловцевъ, начинаетъ уговаривать богатаго богомольца крестить своихъ старухъ не въ Даниловскомъ скиту, а у старца Терентя.

— Тамъ и народу меньше, и житіе тише и чище, мірской прелести совсѣмъ нѣтъ, не такъ какъ у Даниловцевъ—сутолока и общеніе съ никоніанами повседневно! За то ихъ и Терентій, мужъ весьма искуснаго житія и твердаго благочестія, не похваляетъ! уговаривалъ Тучинъ Петрова.

Лабазникъ Петровъ сдался на увѣщанія Тучина и обѣщалъ ему отдать для перекрещиванія старуху непременно къ Терентю, но съвадить самъ къ нему по этому дѣлу не успѣлъ, такъ какъ за нимъ пріѣхалъ съ корѣльскаго бора раскольникъ Семенъ Гавриловъ звать въ Петербургъ по спѣшному дѣлу къ зятю своему Иларіону Акимову, жившему въ Петербургѣ, на землѣ графа Чернышева «своимъ дворомъ».

Убавая, Петровъ поручилъ старухъ Тучину, чтобъ онъ самъ безъ него свезъ ихъ къ Терентю и для этого далъ Тучину для передачи Терентю въ «милостину» 50 рублей денегъ, да ладону 6 фунтовъ. Тучинъ деньги и ладонъ роздалъ въ Терентьевомъ скиту «по всѣмъ», а старухъ свезти къ нему почему-то «времени такого не сыскалъ», и старухи поэтому совсѣмъ остались въ Лексинскомъ скиту.

¹⁾ Это было уже по смерти третьяго, отъ начала Даниловскаго скита, настоятеля Семена Денисова († въ 1741 г.) при настоятельствѣ Ивана Филиппова, историка пустыни (съ 1741 по 1744 г.). Послѣ него кинновіархомъ Данилова скита былъ этотъ Мануилъ Петровъ, стряпчій (съ 1744 по 1759 г.).

«И всего его, Ивана, житія у того старца было отъ Филиппова поста 743 года по святую Пасху, а со св. Пасхи вышелъ онъ отъ того же согласія въ Надежинъ скитъ, который стоитъ на рѣкѣ Алексѣ, къ мѣднику Мартыну Михайлову и по приходѣ былъ у него боленъ, недѣль съ шесть, а по выздоровленіи пришелъ въ Сергіевскій скитъ къ учителю Григорію Яковлеву, который его расколу, будучи еще въ Москвѣ, училъ».

Въ Сергіевскомъ скитѣ онъ услышалъ тоже о раздорахъ и нестроеніяхъ. Григорій Яковлевъ сталъ жаловаться Тучину на нѣкоего Якова Григорьева Сергѣева, который «отсталъ отъ ихъ толку и состоитъ самъ собою». Въ чемъ состояла разность Сергѣева ученія Тучинъ не допытывался, но худое было въ этомъ то, что Сергѣевъ, отставъ отъ толка, «чинилъ имъ великія обиды». Слыша это, Тучинъ окончательно пришелъ въ сомнѣніе въ чистомъ и строгомъ «благочестіи» выговцевъ; онъ ясно увидѣлъ, что и тутъ, какъ въ оставленной имъ православной церкви, интересы благочестія и христіанскихъ добродѣтелей заглушаются и служатъ интересамъ мірскимъ, корыстнымъ или властолюбивымъ. И въ «обителяхъ древняго крѣпкаго благочестія» онъ увидѣлъ ту же мѣну Христа на сребренники, отъ которой бѣжалъ, обуреваемый религіозными сомнѣніями. Въ немъ зародилась мысль, что не стоитъ «страдать» и подвергаться всѣмъ неудобствамъ «раскольниковскаго состоянія», если и они не лучше не чище съ духовной стороны, чѣмъ никоніане. Но онъ все-таки еще держится раскола и живетъ въ Олонецкой губерніи, водить Григорья Яковлева съ двоюродною сестрою да съ женою его дяди Фаддѣя Михайлова, къ Терентью на двое сутокъ «посмотрѣть житія» и проживаетъ въ Надежиномъ скиту до Петрова поста, а затѣмъ рѣшается покинуть разочаровавшіе его померскіе скиты.

Лѣто и осень 1843 года Тучинъ прожилъ дома, въ Ростовскомъ уѣздѣ, а потомъ пошелъ въ Москву и отыскалъ тамъ раскольника Якова Сергѣева, на котораго столько жаловались ему въ Сергіевскомъ скиту. Тучинъ пошелъ къ нему поговорить все о томъ же заинтересовавшемъ его вопросѣ о раскольниковыхъ нестроеніяхъ—ему тяжело было разочароваться въ томъ, что принялъ онъ не съ маху, не съ юношескимъ неразсуждающимъ фанатизмомъ, а по долгой борьбѣ съ самимъ собою и въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Яковъ Сергѣевъ, самъ оторвавшійся отъ выговцевъ и враждовавшій съ ними, вполне увѣрилъ Тучина въ ихъ плохомъ благочестіи и тотчасъ же началъ просвѣщать его по своему, вычитывая изъ книгъ свои «разности въ писаніи» и объясняя ихъ преимущества и спасительную силу.

Тучинъ сдѣлался его послѣдователемъ, а Сергѣевъ, умствуя дальше и дальше, пришелъ къ мысли снова обратиться въ православіе, въ чемъ согласился съ нимъ и Тучинъ, у котораго

эта мысль уже давно засѣла въ головѣ. Въ 1745 году, Сергѣевъ и Тучинъ были обращены отъ раскола и приняты въ лоно православной церкви, проклявъ по формулѣ своихъ учителей и отмета всѣ прелести, яко сатанины ухищренія.

«И состоятъ отъ онаго времени неподвижно въ числѣ сыновъ святыхъ соборныхъ церкви, и въ вышеписанныхъ учиненныхъ имъ продерзостяхъ просить онъ отъ святѣйшаго правительствующаго синода отеческаго помилованія. А чего нынѣ не припомнить, о томъ впредь объявить, и ежели кого будетъ знать, о томъ будетъ доносить, и въ семь допросѣ сказалъ онъ, Иванъ, самую правду, а ежели сказалъ что ложно — и за то подвергаетъ себя штрафу, каковъ указомъ ея императорскаго величества опредѣлится».

Такою казенною, стереотипною фразою заканчивается допросъ Ивана Федорова Тучина, послужившій матеріаломъ для начатія розысковъ и допросовъ всѣхъ помянутыхъ въ немъ людей.

Тучина обязали пребывать безвыходно до конца дѣла въ Петербургѣ, хотя и на свободѣ, но съ приказаніемъ ежедневно являться въ канцелярію синода, вставать на очныя ставки со всѣми розысканными участниками, давать всѣ нужныя справки и объясненія.

Раскольничьи дѣла, особенно неимѣющія надобности быстрого рѣшенія, тянулись долго, десятками лѣтъ, и потому понятно, что Тучинъ былъ разоренъ этимъ окончательно: уѣзжать для найма рабочихъ и закупокъ сѣмянъ онъ не могъ, лично работать и хорошо наблюдать за огородомъ онъ тоже не могъ изъ-за ежедневной явки въ синодальную канцелярію, гдѣ ихъ держали по долгу безо всякой надобности. Тучинъ, по милости священника, попалъ въ бѣду непоправимую, а дѣло пошло своимъ черепашьимъ шагомъ впередъ.

VI.

Розыски показанныхъ Тучинымъ лицъ.—Выемка въ Ростовской епархіи.—Хулиательныя письма молодого раскольника.—Показанія Пищальникова отца.—Раскольникъ Пятонинъ и его обращеніе къ церкви.—Прочное укрѣпленіе за церковью новаго сына.—Переписка выговскаго неопита.—Содержаніе раскольничьяго «сборника».

Черезъ девять мѣсяцевъ послѣ допроса Ивана Тучина, 30-го октября 1747 года, синодъ написалъ ростовскому архіерею Арсенію, чтобы онъ розыскалъ и допросилъ находящихся въ его епархіи раскольниковъ: Ростовскаго уѣзда, села Николы-бой, Ивана Филимонова, романовскихъ купцовъ Илью Федорова и Никиту Прокофьева

(съ которымъ вмѣстѣ Тучинъ, по его словамъ, крестился на Умбѣ) и романовскаго крестьянина Емельяна Дмитріева Олсуфьева. Арсеній послалъ отыскивать ихъ, но синодъ, не получая долго отъ ростовскаго архіерея извѣстій, черезъ четыре мѣсяца, 23-го февраля 1748 года, подтвердилъ свой указъ о томъ же.

Апрѣля 30-го, 1748 года преосвященный Арсеній прислалъ наконецъ въ синодъ «доношеніе» о произведенныхъ имъ розыскахъ и допросахъ.

«По силѣ оныхъ ея императорскаго величества указовъ святѣйшему правительствующему синоду благопочтенно представляю: ради сыску и взятыя показанныхъ раскольниковъ по приказанію моему изъ ростовской моей духовной консисторіи посланы были нарочные, по инструкціямъ ноября 4-го дня 1747 года, кои, возвратясь, поданными въ мою консисторію доношеніями представили, что они означенныхъ раскольниковъ никого не изыскали, а означеннаго-де Ильи Федорова въ градѣ Романовѣ и дома не имѣется; и вмѣсто объявленныхъ раскольниковъ: Ивана Филимонова предъявили вышеявленнаго села Никольскаго, что на Бою, старосту Семена Васильева, вмѣсто Емельяна Дмитріева—Романовскаго уѣзда, вотчины Спасоярославскаго монастыря, деревни Голоперова, выборнаго Дементія Федорова, вмѣсто Никиты Прокофьева—отца его, града Романова купца Прокофья Андреева сына Пищальникова, у коего, при взятыѣ его въ домѣ его, найдены не искусно рѣзанные кресты, складные деревянные, старопечатныя и письменныя книги да тетради, такожъ присланныя отъ показаннаго сына его Никиты хулительныя на пресвятыхъ Христа Спасителя нашего тайны и приличествующія къ раскольническому заблужденію письма, кои отъ тѣхъ посланныхъ (нарочныхъ) въ консисторію съ описью и приняты».

Письма Никиты Прокофьева Пищальникова явились важнымъ и характернымъ, обличающимъ документомъ; изъ нихъ Арсеній дѣлаетъ краткое извлеченіе «хуламъ», а затѣмъ приводитъ допросныя рѣчи остальныхъ представленныхъ въ консисторію людей.

Староста села Николы-бой показалъ, что въ ихъ селѣ крестьянинъ Иванъ Филимоновъ былъ и во время прежней генеральной переписи, еще при Петрѣ Великомъ, купно съ отцемъ его и съ братьями Васильемъ, Яковомъ и Андреемъ, написанъ въ томъ селѣ, а потомъ изъ того села всѣ означенныя лица, отецъ съ дѣтьми бѣжали, назадъ тому лѣтъ съ двадцать пять и больше, «а чего ради и куда, и гдѣ нынѣ обрѣтаются, староста не знаетъ, а при нынѣшней ревизіи всѣ они записаны «въ бѣгахъ»».

Выборный деревни Голоперова сказалъ: въ вотчинѣ Спасоярославскаго монастыря, въ деревнѣ Петрецовѣ былъ крестьянинъ Андрей Дмитріевъ, Олсуфьевъ, который лѣтъ съ десять, какъ померъ, а послѣ него остались братья Емельянъ и Федоръ Дмит-

ріевы, которыхъ называютъ Боровиковы, изъ которыхъ Емельянь, взявъ изъ воеводской канцеляріи паспортъ, ушелъ въ Петербургъ годъ тому назадъ.

Показанія Прокофья Андреева Пицальникова, отца раскольника, скомпрометированнаго «хулительными» письмами сына, были пространнѣе — его заставили рассказать о дѣтяхъ подробно и онъ рассказалъ:

Самъ онъ и жена его православныя, исповѣдывались и причащались повсягодно. Дѣтей у нихъ четверо; сыновья: Борисъ 32-хъ, Прокофій 27-ми и Никита 24-хъ лѣтъ и дочь Авдотья 23-хъ лѣтъ, замужемъ за православнымъ. Всѣ дѣти его крещены въ православіе и ходили къ исповѣди и причастію съ 7-ми лѣтъ. Въ 1737 году, Прокофій Пицальниковъ свезъ своихъ сыновей изъ Романова въ Кронштадтъ къ знакомымъ купцамъ въ ученіе на пять лѣтъ, а черезъ три года Борисъ и Прокофій написали ему въ Романовъ, что младшій братъ ихъ Никита пропалъ изъ Кронштадта безвѣстно. Отецъ пріѣхалъ по этому поводу въ Кронштадтъ, оказалось, что Никита унесъ съ собою полтора ста рублей ховяйскихъ денегъ и бѣжалъ — невѣдомо куда; отецъ велѣлъ сыновьямъ заработать за брата и уѣхалъ снова въ Романовъ. Сыновья его отживъ годы ученія, торгуютъ нынѣ въ Петербургѣ сами. Относительно двухъ деревянныхъ осемиконечныхъ крестовъ и складней найденныхъ у него въ домѣ, Пицальниковъ показалъ, что остались отъ отца его, а самъ онъ, «утверждается вѣрою по Христѣ Иисусѣ, а не въ концы креста, и поклоняется-де, какъ четвероконечному, такъ и осемиконечному кресту». Книги онъ привезъ послѣ осмотра изъ лавки, гдѣ торговалъ бѣжавшій Никита, а «тѣхъ книгъ и тетрадей, какъ самъ никогда не читывалъ, такъ и читать никому не давалъ», а письма Никиты, перемѣнившаго себѣ имя Игнатъемъ, писанныя къ нему и сыновьямъ его, онъ получилъ въ 1746 году, въ зимнее время, запечатанныя въ одномъ пакетѣ въ Романовѣ на торгу отъ прохожаго человѣка, а чей, откудава и какъ зовутъ, онъ, Прокофій — не знаетъ, только сказалъ тотъ прохожій, что пакетъ отданъ ему въ Тихвинѣ, а кѣмъ — не сказалъ. Письма эти Прокофій, будто бы читалъ дома про себя, а женѣ сказалъ только, что они отъ Никиты, а больше ничего (?). На ехидный вопросъ — почему же онъ, не раздѣляя мнѣній сына, не объявилъ о тѣхъ письмахъ «въ указныхъ мѣстахъ гдѣ надлежитъ»? — Прокофій отвѣчалъ, что хотѣлъ, какъ только сынъ явится, то самому выдать его головою начальству. Затѣмъ Пицальниковъ снова завѣряетъ синодъ въ своемъ православіи, а все раскольническое отменяетъ и проклиняетъ и желаетъ даже публично прочесть клятвенное обѣщаніе безъ всякаго отмѣненія и сомнѣнія. Книги «о мытарствахъ», которую просилъ сынъ въ письмахъ, у него нѣтъ вовсе, а также не знаетъ никого изъ упомя-

нутыхъ въ письмахъ именъ, кромѣ Дмитрія Иванова Пятошина, чрезъ котораго сынъ просилъ отца и братьевъ посылать ему деньги, харчи и прочее, ибо отъ него къ нимъ на Олонецъ «ѣздоки» есть. «Пятошинъ, сказалъ Пицальниковъ, въ Романовѣ есть, купецъ, живетъ въ приходѣ церкви Преображенія Господня своимъ домомъ, записной раскольникъ» а есть ли къ нему ѣздоки— Прокофій не знаетъ.

Но въ правовѣрїи старика Пицальникова все таки сомнѣвались, и вотъ онъ въ «отраженіе сомнительства», ходилъ по приказу архіерея въ Ростовскій соборъ цѣлую недѣлю ко всѣмъ службамъ и читалъ самъ публично «исповѣданіе клятвенное, каковое напечатано при концѣ чиноположенія отъ расколовъ къ православной вѣрѣ приходящихъ», исповѣдывался и причащался. Только послѣ этого успокоились насчетъ его правовѣрїя, и Арсеній продолжалъ розыски дальше. Послали нарочнаго въ Романовъ за женой и дѣтьми Пицальникова, а главнымъ образомъ за злокозненнымъ «комиссіонеромъ» выговцевъ, записнымъ раскольникомъ Пятошинымъ. Жены и дѣтей Пицальникова не нашли, ибо даже домъ его въ Романовѣ оказался запертъ и пустъ, а живущіе бѣжали неизвѣстно куда отъ переполоха, произведеннаго взятіемъ ховяина на допросъ, а Дмитрія Пятошина посланный представилъ лично въ консисторію.

Пятошинъ на допросѣ показалъ: «отецъ-де и мать, и братъ его, и онъ состоятъ въ расколѣ, а записанъ-де онъ въ расколъ дѣдомъ своимъ (кой де съ женою его умре), для того, чтобъ крестное на себѣ знаменіе полагать двоеперстнымъ, а не троеперстнымъ сложеніемъ и на исповѣдъ-бы къ правовѣрнымъ іереямъ не ходить и отъ нихъ Христовыхъ таинъ не причащаться. А святымъ иконамъ, какъ Спасову образу, который бы съ какою благословящею рукою ни изображенъ былъ, такожъ и Богоматери и св. кресту Господню, хотя бы оный и четвероконечный былъ, и угодниковъ Божіихъ всѣхъ, какого-бы изображенія не были (хотя бы и съ троеперстнымъ сложеніемъ), онъ, Дмитрій покланяется и лобызаетъ безъ всякаго сомнѣнія». Бѣжавшаго Никиту Пицальникова зналъ маленькимъ, при отцѣ, а теперь 17 лѣтъ не видалъ его и ничего о немъ не знаетъ, также и о письмахъ его къ отцу. Никто изъ Пицальниковыхъ для отсылки Никитѣ ему ничего не давали, и онъ не отсылалъ; ѣздовыхъ къ нему изъ Олонца никакихъ никогда не бывало, и самъ Пятошинъ тамъ никогда не былъ и никого изъ упомянутыхъ въ письмахъ Никиты лицъ не знаетъ.

На такого умѣреннаго въ своихъ отрицаніяхъ раскольника, какъ Пятошинъ, пребывающаго въ расколѣ болѣе по семейной традиціи, чѣмъ по горячему собственному убѣжденію, архіерей Арсеній обратилъ вниманіе и, держа его подъ карауломъ, началъ посылать къ нему своего ризничаго іеродіакона Іоакима для увѣщанія обратиться въ

православіе. Увѣщаніе подѣйствовало; 15-го января 1748 года, Пятошинъ «всемѣрно воспріялъ намѣреніе» оставить расколъ и ко св. церкви присовокупиться, что и выразилъ въ прошеніи къ архіерею. Пятошина заставили поститься, ходить въ ростовскую соборную церковь, исповѣдали и причастили, а затѣмъ сіе душевное дѣло постарались, для вѣрности, укрѣпить со всѣхъ сторонъ такъ, чтобы новопріобрѣтенный сынъ церкви изъ лона ея никакой «утечки» совершить рѣшительно не могъ. Для этого его отослали за карауломъ въ Романовское духовное правленіе и тамъ взяли съ Пятошина письменное обязательство съ поруками, а потомъ взяли письменное же обязательство съ поруками съ его приходскаго духовенства «о твердомъ и всеприлежномъ надъ нимъ смотрѣніи, чтобъ онъ впредь въ правовѣрїи былъ непоколебимо».

Прокопій Пицальниковъ, сидя въ консисторїи за карауломъ, началъ проситься, чтобъ его отпустили для отысканія сбѣжавшей изъ дому жены его Татьяны Григорьевой, которая по его упованію «не индѣ гдѣ, токмо въ томъ-же градѣ пребываетъ», а также для поставки къ допросу сыновей Бориса и Прокопія, которые въ Петербургѣ. Никиту отыскать и представить онъ отказался. Его отпустили, назначивъ для поставки указные сроки и взявъ по немъ самомъ поруки отъ романовскихъ купцовъ.

Выборный села Голоперова доставить Емельяна Олсуфьева въ указной срокъ обязался, а староста села Николы-бой сказалъ, что Ивана Филимонова доставить ему невозможно, а получилъ онъ свѣдѣнія изъ ростовской воеводской канцелярїи чрезъ указъ отъ главнаго магистрата, что въ 1745 году родной братъ его, Василій Филимоновъ, записался въ Петербургское купечество и тамъ «торгуетъ» и можетъ больше его, старосты, дать свѣдѣній о братѣ, а потому и просить отъ доставки Ивана Филимонова его уволить. Консисторїя уволила старосту, но въ то же время попросила синодъ отыскать Василья Филимонова, какъ пребывающаго въ Петербургѣ, самому, чрезъ магистратъ.

Въ заключеніе своего доношенія, Арсеній пишетъ, что обо всемъ, что произойдетъ послѣ и о всѣхъ новыхъ допросахъ онъ своевременно донесетъ синоду.

Затѣмъ прилагается опись и выписки изъ писемъ Никиты Пицальника; мы ихъ печатаемъ, какъ интересный бытовомъ и даже догматическій матеріаль.

Переписка выговскаго неофита.

Обозрѣніе содержанія этой переписки показываетъ намъ, что показанія Пицальникова—отца о его полномъ незнаніи, гдѣ находится сынъ, совсѣмъ неправдоподобны, а что напротивъ—онъ зналъ объ этомъ, знали и братья его и относились къ его побѣгу и обраще-

нію въ расколъ довольно сочувственно, хотя это и было не съ ихъ позволенія. Они даже исполняли, какъ могли, просьбы Никиты и посылали къ нему, черезъ Пятошина или другихъ «вздоковъ», кое-что деньгами и натурой.

Первое письмо отъ 1740 года, ноября 29-го, къ отцу и матери, «чтобы они молились Господу Богу о здоровьѣ его и о счастливомъ ему пути и чтобъ прислать къ нему книгу, въ которой «мытарства».

Второе—безъ числа, къ отцу, матери, сестрѣ и ко всѣмъ пріятелямъ своимъ «о томъ, что онъ въ живыхъ обрѣтается, а отшатился не ради славы и чести міра сего, но ради антихристовы прелести, что-де тѣхъ подъ свою власть приводитъ; настали-де у насъ церкви—костелы, попы—волки, что Ипполитъ, папа римскій пишетъ: «Церкви Божіа, яко проста храми будутъ, ниже тѣла, ниже крови Христовы, ниже службы, ниже кадила, ниже приношенія». Святѣйшаго Никона патріарха называетъ сущимъ еретикомъ и богоотступникомъ явнымъ и Арсенія (грека), который-де книги перепечатывалъ и именовалъ Сына Божіа «грѣшнымъ» и сличить бы книги старыя и новыя и тако-де узнаете прелестъ антихристову. Не подобаеъ-де четвероконечному крыжу поклоняться вмѣсто осьмиконечнаго креста; не подобаеъ же-де на пяти просфорахъ литургіи совершать и не подобаеъ-де противъ солнца ходити, но противиться кругу небесному не подобаеъ же. Священнику платья нѣмецкаго носить или табаку пить (не подобаеъ же)—то-де все проклято отъ святыхъ отецъ, а нонеча-де не токмо попы пьютъ табакъ (курятъ)—и иноцы мнози. Не подобаеъ-де христіанамъ табакъ пити или брадъ брѣти, не подобаеъ и тремя персты креститесь, но двумя персты, и на образахъ-де щепотью пишутъ (т. е. крестное знаменіе пишутъ сложенное щепотью, какъ табакъ нюхаютъ). И узнайте-де вы премѣненіе вѣры старыя. И что онъ живетъ на окіанѣ-морѣ, въ дальнихъ непроходныхъ мѣстахъ. И о присылкѣ ему святцевъ да часовника тетки Анны, по которому онъ учился, и о прочемъ».

Третье письмо, безъ числа, къ матери Татьянѣ, «чтобъ она по немъ не печалилась, но паче радовалась, чтобы его Господь укрѣпилъ въ такомъ состояніи и объ отправленіи поклона теткѣ Аннѣ и о испрошеніи у ней какой книги, чтобъ печатана при Іосифѣ патріархѣ, или прежде. А Никона-де патріарха не присылайте—еретическія онъ, развратныя вѣры. И она бы мать его оберегалась бы антихристова тѣла, сирѣчь нынѣшняго причастія, называя святыя церкви костелами, Никона патріарха—еретикомъ и развратникомъ христіанскія вѣры. И о прочтеніи въ «соборникѣ» Ипполитова слова—на Никонсвы-де годы укажетъ и на антихристовы, число-де его 666 — тутъ-де разумѣйте пре-

лесть сатанину. И о присылкѣ къ нему святцевъ да «потребника», который съ мѣдными гвоздями; а онъ-де живетъ около Окіана-моря, въ непроходимыхъ мѣстахъ».

Четвертое письмо, безъ числа, къ братьямъ Борису и Прокофью, «съ поученіемъ кривотолковымъ, нарицая крестъ святыи крѣжемъ, вѣнчаніе браковъ, и постриженіе, и исповѣдь, и причащеніе святыхъ таинъ — службою бѣсовскою. Въ томъ же пишетъ тако: «Отець нашъ сгорѣлъ, и съ нимъ сгорѣло 97 человекъ, и который-де къ тебѣ приходилъ Иванъ Петровъ — сгорѣлъ». А онъ-де далѣ 15-ти верстъ жилъ въ лѣсу, не вѣдалъ; и наше-де житіе не продолжится — сожгутъ, вельми нападаютъ. И о присылкѣ съ подателемъ того письма что-нибудь на пропитаніе».

Пятое письмо, безъ числа, къ братьямъ и особенно къ Прокофью, «чтобъ онъ былъ къ нему милосердъ, хотя онъ въ немъ прінялъ и великое разореніе; но онъ-де пошелъ не на разбой, и ему-де пришло, что уже нельзя стало жить отъ дьявольскаго нападенія, что-де въ явь сталъ деньги уносить (?!). И о присылкѣ къ нему денегъ, хоша бы рублевъ трехъ; съ часу-де на часъ ждутъ комиссія, и ежели-де пріѣдетъ, то всѣ въ сожженіе придутъ, какъ и отецъ Филиппъ пострадалъ. И у нихъ-де, у отца Филиппа, невредимыхъ мощей лежитъ съ двадцать. А что-де Ларіонъ на дорогѣ всего обрелъ и ушелъ въ Череповцѣ, и унесъ деньги, больше 500 (рублей). А онъ-де Игнатій пребываетъ въ самыхъ непроходимыхъ мѣстахъ, и къ нимъ-де нѣтъ дороги ни откуда, только-де на лыжахъ, и то знающіе, ходятъ. Да ихъ-де согласія пріѣдетъ человекъ въ Питеръ; чтобъ отдать деньги Петровичу, хоша и масла, или толокна, или какихъ крупъ — онъ-де ему отдастъ».

Шестое письмо, безъ числа, къ Прокофью, брату, «о томъ, чтобъ онъ (Прокофій) у нихъ (на поморьи) хоша на едину недѣлю побывалъ и посмотрѣлъ бы ихъ житія», а также о присылкѣ чего нибудь съ подателемъ письма.

Седьмое письмо, безъ числа, къ братьямъ Борису и Прокофью «о благодареніи за ихъ его неоставленіе и чтобъ удалялись отъ всякихъ ересей, которые-де знающіе, и чтобъ не могли ходить въ костелы — воистину-де всѣхъ сатана ослѣпилъ своими всякими кознями; и прислали бы къ нему на прокормленіе какого нибудь харчу и денегъ, и чтобы отдали Дмитрію Иванову Пятошину, къ нему-де отъ нихъ ѣздоки есть, и они-де ему обѣщали привезть. Аще-де съ симъ человекѣмъ (имени, отечества и прозванія не показано) не пришлете (то) иныхъ отъ нихъ не будетъ. А понеча-де онъ живетъ «во мхахъ», далѣ верстъ 60 отъ жилья — вблизи-де жить не даютъ, ищутъ, которые не записались въ перепись (для платежа двойного оклада, который былъ установленъ

для раскольниковъ). И прислали бы къ нему бѣлыя бумаги, а еще-де надобно обиходникъ, по чемъ они всю службу совершаютъ, и онъ-де его вышлетъ».

Осьмое письмо, безъ числа, къ братьямъ «о присылкѣ на прокормленіе какого харчу и бумаги бѣлыя и объ отдачѣ того показанному Дмитрію Пятошину; аще-де захочешь створы прислать, какія у Филиппа Климова, 12 праздниковъ — и онъ-де къ нему вышлетъ, или ино что—отпиши». Тутъ же написано, что-де «онъ занялъ денегъ 1 р. 50 к. у Ивана Андреева».

Девятое письмо, безъ числа, къ братьямъ «о присылкѣ къ нему, Игнатью, на пропитаніе крупъ какихъ нибудь, да масла и денегъ, что нибудь со вручителемъ того письма; онъ-де себѣ станетъ братъ крупъ и всякаго харчу и онъ-де сошлетъ къ нимъ на суднѣ; и о присылкѣ къ нему жъ, Игнатью, ряски, что старцы носятъ; уже-де онъ далѣ подвинулся къ Окіану-мору».

Десятое письмо, отъ 1744 года, 29-го марта, къ братьямъ, «о неоставленіи его во всякихъ нуждахъ, и чтобъ храниться, елико можно, никоніанскихъ костеловъ, а наипаче тѣла антихристова и демоновъ, и о держаніи на всякій день съ поклонами правила, каково въ томъ письмѣ изображено (вѣроятно, правило было приложено отдѣльнымъ листочкомъ), и о присылкѣ (матеріи), что старцы на клобукахъ и на ряскахъ носятъ, аршинъ 15, и попросить бы у нашихъ романовцовъ или у своихъ знакомыхъ, и хочеть-де онъ мнихъ быти и ѣхать на Окіанъ-море ста за четьре отъ Даниловскаго монастыря, въ острова за Соловецкій монастырь, сто съ полчетверта».

Тутъ кончается переписка Никиты—Игнатія Пищальникова; у отца, кромѣ того, взята была книга письменная въ тетрадахъ; выписываемъ ея содержаніе, чтобы показать изъ какихъ статей состояли расколичныи «соборники» или «цѣтники» XVIII столѣтія. «Книга скорописная, вначалѣ написанная ваѣя (палея?) о сотвореніи міра, о солнцѣ, о ковчегѣ ноевѣ, о вразѣ, о исходѣ людей израильскихъ изъ Египта и о прочемъ. Тутъ же уставъ письменный о литургіи и расколическіе вопросы и отвѣты о четвероконечномъ и осьмиконечномъ крестѣ, изъ коихъ четвероконечный крестъ нарицали крыжемъ и печати: у никоніанъ-де на просфорахъ четвероконечный крестъ. И о кажденіи троекратномъ и двоекратномъ, и о бывшихъ въ 7217 и 7219 (1709—11) годахъ праздныхъ мѣсяцахъ (?) и числахъ, въ расколическихъ скитахъ соборныхъ ихъ расколическихъ дѣваніяхъ и о честномъ крестѣ разговорахъ и несогласіяхъ, объ аввакумовыхъ письмахъ, кои письма расколичники на собраніи своемъ иныя отложили, а другія называли правыми и чтобы икону аввакумову писать и кланяться ей, яко святому. А одинъ-де расколичникъ при всѣхъ отцахъ тогда исповѣдалъ о воплощеніи Сына Божія сице: «я-де таковыхъ прок-

линаю, кто сошедшаго съ небесъ Сына Божія самое существо его исповѣдуетъ воплотившагося». И что-де попь принять не по правиламъ святыхъ отецъ—во вторыя постриганъ послѣ никоніанъ (?), и о принужденіи о проклинаніи ереси никоніанской, и о прочемъ». Всего на 260 листахъ.

VII.

Новое нашествіе на выговцевъ.—Смѣлое заpiresательство даниловцевъ.—Поиски за мощами.—Они отрекаются отъ терентьевцевъ.—Коммисія въ умбинскіе скиты.—Старцы готовы къ самоожженію.—Непослушаніе и переговоры чрезъ окно.—Вѣроятный исходъ энергическихъ мѣръ.—Сторонній разъяснитель.—Точное указаніе могилъ трехъ святыхъ старцевъ.

Одновременно съ указомъ ростовскому архіерею Арсенію, синодомъ были посланы указы и въ новгородскую духовную консисторію Стефану, архіепископу великоновгородскому и великолупскому, чтобы онъ произвелъ нужные допросы въ Олонецкой губерніи, на самомъ мѣстѣ обиталища выговцевъ.

Стефанъ, въ свою очередь, передалъ это дѣло олонецкому духовному правленію и Стороженскаго монастыря строителю, іеромонаху Филарету, какъ ближайшимъ къ выговцамъ правительственнымъ лицамъ.

2-го мая 1748 года, сіи послѣдніе донесли Стефану о результатѣ произведенныхъ ими розысковъ, а 8-го іюня, то есть чрезъ полтора года послѣ допроса Тучина, и Стефанъ прислалъ свое доношеніе синоду.

Этимъ новымъ слѣдствіемъ, направленнымъ въ олонецкіе предѣлы, въ несчетный разъ тревожили выговскихъ старцевъ и производили панику въ наиболѣе густо населенныхъ раскольниками мѣстахъ Поморья. Заслыша о новомъ наѣздѣ правительственныхъ чиновниковъ, которые съ самаринскихъ временъ получили у раскольниковъ общее названіе «коммисіи», старцы въ сотый разъ воображали, что будутъ ихъ «разорять въ конецъ», огнемъ и мечемъ преклонять «во власть антихриста»—и принимали всегда старья, освященный обычаемъ, свои мѣры: одиночки крылись въ лѣсахъ и разныхъ «непроходимыхъ мѣстахъ», скиты «изготавливали хранину», гдѣ бы имъ всѣмъ собраться, клали во всѣхъ мѣстахъ «поджогу», на окна и двери сколачивали бревенчатые щиты, чтобы не выломали ихъ,—и ждали наѣзда.

Если «коммисія» вела себя относительно ихъ безъ жестокаго прещенія,—старцы давали показанія, путали и сваливали на «соловецкихъ старцевъ», на «дальнія отлучки» и упорно отрицали

«перекрещиваніе» и требы. Но чуть только комиссія приступила съ высококомѣрною грозою и военною командою — безъ дальнихъ разговоровъ запырались наглухо, и «храмина» чрезъ минуту пропадала въ дымъ и пламени, откуда доносились только гѣснопѣнія и предсмертные стоны фанатиковъ...

Такъ было и въ настоящемъ случаѣ, при слѣдствіи по доносу Тучина, но обратимся къ подлинному доношенію новгородской консисторіи.

«Обрѣтающіеся въ выгорѣцкихъ раскольническихъ жилищахъ показанные въ наученіи Ивана Тучина, раскольническаго суетвѣрія лжѣ-учители даниловскаго скита, Кузьма Львовъ съ товарищи 14 человекъ сысканы и при слѣдствіи того дѣла допросами показали, что того Тучина они не знаютъ и раскольнической прелести никакого ученія ему и прочимъ никому они не производили, и о показанныхъ имъ, Тучинимъ, яко бы нетлѣнныхъ раскольничьихъ трехъ старцевъ трупахъ, какъ оныя подлежашіе къ слѣдствію, такъ и другихъ, тѣхъ же выгорѣцкихъ раскольническихъ разныхъ мужеска и женска пола скитовъ, раскольники показали не точію тѣхъ раскольническихъ трехъ старцевъ труповъ, но и прочихъ никакихъ умершихъ, проявившихся отъ земли нетлѣнныхъ же труповъ—не слышали (?) и невѣдаютъ (??)

«И о житіи тѣхъ старцевъ и о пророчествахъ ихъ — никакихъ тетрадей ни отъ кого не видали у себя они, раскольники, и не имѣютъ.

«А мертвыя-де у нихъ раскольниковъ тѣла зарываются при часовняхъ, по ихъ обычаю, подъ малыми деревянными клѣтками, которыя мѣста и показали; и въ тѣхъ мѣстахъ, по объявленію вышеименованнаго Тучина, у Сергіевскаго скита, по другую сторону рѣки отъ скита за одну версту, въ огороженной заборомъ часовнѣ, и при часовнѣ съ кладбищемъ, на могилахъ никакихъ проявившихся отъ земли нетлѣнныхъ труповъ упомянутые выгорѣцкіе раскольники не объявили. И по свидѣтельству Стороженскаго монастыря строителя, іеромонаха Филарета и посланнаго отъ олонецкаго духовнаго правленія повѣреннаго, какъ въ оной часовнѣ внутри, такъ и въ другихъ часовняхъ и при тѣхъ часовняхъ въ кладбищахъ ихъ—на могилахъ никакихъ нетлѣнныхъ труповъ, проявившихся отъ земли, не явилось. А въ землѣ лежащія подъ оными деревянными малыми, по ихъ обыкновенію, многими клѣтками показанныя отъ раскольниковъ мертвыя тѣла, для того осмотра за многимъ числомъ надъ тѣми клѣтками оныхъ зарытыхъ тѣлъ, за незнаніемъ о вышеозначенныхъ нетлѣнныхъ трупахъ, гдѣ они лежатъ, подлиннаго о томъ объявленія, изъ земли подъ клѣтками не вырывано.

«А достальные тѣхъ же выгорѣцкихъ скитахъ раскольники, три человекъ: Григорій Яковлевъ, Иванъ Мошенниковъ и Мартынь

Михайловъ, при слѣдствіи того дѣла показаны въ дальнихъ отлучкахъ, и по прибытіи изъ оныхъ отлучекъ о представленіи ихъ къ слѣдствію—тамошній раскольнической староста обязанъ письменно.

«А о старцѣ Серапіонѣ и вышедшемъ изъ Соловковъ старцѣ-жъ, которому имени не показано, и раскольникѣ Афанасіи Ивановѣ, при слѣдствіи раскольники Даниловскаго скита и раскольницы Лексинскаго показали, что у нихъ оные старцы и раскольникъ—въ тѣхъ скитахъ напредъ сего не бывали, и они ихъ не знаютъ. Что-же до показанныхъ у Тучина старца Терентья и учителя Матвѣя Ермолаева, который Тучина и перекрещивалъ, и сотоварищи 10 человекъ, то даниловцы показали, что они не ихъ вѣдѣнія и съ ними согласія и сообщенія никакого не имѣютъ и живутъ отъ нихъ въ дальнемъ разстояніи, по лѣсу «за мхами», собрався съ незнаемыми людьми (какъ въ допросѣ Тучина показано). И для сыску и приговору ихъ, раскольническихъ старцевъ и бѣльцовъ, подлежащихъ къ тому слѣдствію, въ означенныя мѣста, гдѣ они въ собраніи находятся, за мхи, урочищемъ на рѣчку Умбу, отъ слѣдствія посланъ нарочный, съ придачею изъ тамошнихъ обывателей надлежащаго числа понятыхъ».

Раскольники Умбинскихъ скитовъ Терентьева согласія при наѣздѣ нарочнаго «въ двухъ избахъ запершись, учинились имъ непослушны, объявля изъ окна, что потребные-де къ оному слѣдствію старецъ Терентій съ прочими въ прошлыхъ годахъ сгорѣли, а нынѣ-де изъ нихъ отставной прапорщикъ (морского флота) Иванъ Андреевъ да лжеучитель Матвѣй Ермолаевъ—съ ними, въ тѣхъ избахъ на лицо, только-же они, раскольники, къ тому слѣдствію за старостію идти не могутъ. О чемъ тому посланному и письмо на четвертинкѣ листа за рукою своею изъ окна-жъ подали, съ котораго (письма) при донесеніи сообщена копія. А сколько человекъ мужеска и женска полу въ тѣхъ двухъ избахъ запершись находятся—того они имъ, посланнымъ, не объявляли. И въ закладенныхъ въ тѣ избы воротахъ, ломатъ оные посланные по указу были опасны, дабы они себѣ не учинили поджога, какъ и напредъ сего въ томъ мѣстѣ въ прошлыхъ годахъ, со старцами Филиппомъ и Терентьемъ, въ два собранія, сгорѣли».

Въ приобщенномъ при томъ донесеніи письмѣ раскольниковъ, поданномъ изъ окна, написано: «которые въ указѣ помянутые старцы Терентій и Филаретъ, да матросъ Михайло Петровъ—и оные, слышали они, что въ прошедшіе годы сгорѣли; а крещенаго изъ шведовъ Дмитрія Иванова, да Никиту Прокофьева (Пищальникова), Алексѣя Андреева, Ивана Петрова и мать Анны и старухи прозваніемъ Макѣевой,—у нихъ оныхъ нѣтъ, и про нихъ

не знаютъ. А имѣются здѣсь бывший морского флота прапорщикъ Иванъ Андреевъ и Матвѣй Ермолаевъ».

Посланные отъ олонецкаго духовнаго правленія и Стороженскаго архимандрита при такомъ упорствѣ, умбинскихъ скитскихъ старцевъ, не смѣя рѣшиться на крутыя мѣры, воротились ни съ чѣмъ и представили только письмо.

7-го мая 1748 года, новгородская консисторія велѣла указомъ на Олоонецъ кончить слѣдствіе скорѣе, но изъ дѣла не видно—къ чему привела эта энергія? Позволительно думать, что «Терентіевы согласники» послѣдовали за своимъ учителемъ, т. е. всѣ сгорѣли, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшія разъясненія даетъ какой-то обратившійся къ церкви раскольникъ, поповъ сынъ Алексѣй Иродіоновъ:

«Во время-де обрѣтательства его, Иларіонова, прошлаго 1747 года въ Даниловскомъ скиту, изъ показанныхъ по доношенію, старецъ Серапіонъ жителство имѣлъ въ Алексинскомъ скиту, по разнымъ домамъ, а прочіе раскольники: Дмитрій Ивановъ, Никита Прокофьевъ, Алексѣй Андреевъ, Иванъ Петровъ съ матерью и старухой, и вышедшій изъ Соловковъ старецъ, да Афанасій Ивановъ—напередъ сего были-ль и гдѣ нынѣ обрѣтаются—онъ, Алексѣй, не извѣстенъ. А старцы: Терентій и Филаретъ, да матросъ Михайло Петровъ, подлинно сгорѣли. А показанные Тучинымъ, якобы нетлѣнныхъ трехъ старцевъ трупы лежатъ: Корнилій и Виталій—отъ Данилова скита въ 12 верстахъ, на «Жаломъ мѣстечкѣ»¹⁾, называемомъ кирпичномъ заводѣ, подъ часовнею, а Кирилль—отъ мѣстечка «Кирилловой пристани» разстояніемъ въ одной верстѣ, а отъ показаннаго Даниловскаго скита—въ восьми верстахъ; лежитъ на пустомъ мѣстечкѣ, подъ часовнею-жъ. А тлѣнны-ли, или нетлѣнны—о томъ письменнаго извѣстія не имѣется, и онъ, Алексѣй, не знаетъ, и никѣмъ не свидѣтельствованы—точію слава о нихъ пронесена пустая и весьма ложная ко всѣмъ скитамъ отъ раскольниковъ, яко-бы они нетлѣнны. А онъ, Алексѣй, въ оныхъ часовняхъ былъ и видѣлъ, что лежатъ означенные трупы подъ землею, а не на верху земли, а самыхъ тѣхъ труповъ не видалъ».

Подъ отношеніемъ новгородской консисторіи подписались: Павелъ, архимандритъ Юрьевскій, Дамаскинъ, архимандритъ Хутынскій, Виссаріонъ, архимандритъ Вологодскій.

¹⁾ «Жалое мѣсто», «жальница»—слово древнее и означаетъ могилу, владбище.

VIII.

Показанія Василья Филимонова, Прокофья и Бориса Пищальниковыхъ.—Тучинъ пытается еще напутать.—Поиски за Никитой-Игнатіемъ.—Никита черезъ четыре года найденъ и рассказываетъ свою исторію.—Личность Никиты.—Вліяніе ваторжника Круглова.

Результаты слѣдствія въ средѣ самыхъ олонецкихъ раскольниковъ были не полны: не нашли многихъ, и между прочимъ Ивана Филимонова и Никиту Прокофьева Пищальникова, котораго сильно желали доискаться, прочтя его «хулительныя» на церковь письма. Согласно просьбѣ ростовскаго архіерея Арсенія, синодъ послалъ въ контору главнаго магистрата въ Петербургъ указъ о сыскѣ и приводѣ Василья Филимонова (брата Ивана), а также братьевъ Никиты Пищальникова, Бориса и Прокофья, такъ какъ всѣ трое были записаны въ петербургское купечество.

О Никитѣ, сверхъ всего, велѣно было написать еще архангельскому архіепископу Варсонофію, чтобъ искалъ его во всей епархіи, на «океанъ-морѣ», т. е. на островахъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, куда поморскіе раскольники ходили за рыбнымъ промысломъ, а наиболѣе ревностные къ «нуждному» житію и селились въ одиночку.

Указъ въ магистратъ былъ посланъ въ іюнѣ 1748 года, а черезъ два мѣсяца, въ августѣ (25-го) былъ найденъ въ Петербургѣ и поставленъ къ допросу въ синодъ Василій Филимоновъ и показалъ, что 13 лѣтъ тому назадъ отецъ его и съ сыновьями, его братьями, уѣхалъ изъ деревни Николы-бой въ Петербургъ, затѣмъ въ Ригу. Братъ Иванъ отправился будто бы въ Сибирь, къ Демидову на заводы, и съ тѣхъ поръ о немъ никакихъ извѣстій не получалъ. Нынѣ онъ, Василій состоитъ въ петербургскомъ купечествѣ, служилъ на галіотѣ у лабазника Дорофьева по 12 р. въ годъ, а въ настоящемъ году (1748) выбранъ въ «вѣрныя цѣловальники, для продажи казеннаго вина и пива». Православный, къ исповѣди и причастію ходитъ, но не каждый годъ, ибо за многими трудами и отлучками не приходится.

Черезъ мѣсяцъ, въ сентябрѣ, доставили въ синодъ средняго брата Пищальникова, Прокофья, и допросили. Показанія его объ отдачѣ ихъ въ Кронштадтъ въ ученье и о безвѣстномъ побѣгѣ Никиты точь-въ-точь сходно съ показаніемъ отца.

Выйдя изъ ученья, они торговали въ Петербургѣ, потомъ поѣхали къ отцу въ Романовъ, гдѣ тоже торговали, разѣзжая по разнымъ городамъ, въ 1747 году пріѣхали опять въ Петербургъ, и братъ Борисъ ушелъ торговать на баркахъ. Въ домѣ отца въ Романовѣ онъ, Прокофій, никакихъ книгъ не видалъ; о братѣ Ни-

китѣ, со времени побѣга, никакихъ извѣстій не имѣетъ, ничего ему не посылалъ, писемъ отъ него не получалъ. Самъ онъ исповѣдуетъ православіе, къ исповѣди и причастію ходитъ, крестится тремя перстами.

Словомъ, показаніе Прокофья было такъ ловко составлено, что не давало повода придратъся ни къ одному новому имени.

Еще черезъ два мѣсяца, въ ноябрѣ того же 1748 года, въ синодѣ явился своею волею старшій братъ Пищальникова, Борисъ, для дачи показаній и показалъ точъ-въ-точъ то же, что и средній братъ, а о братѣ Никитѣ отговорился полнымъ незнаніемъ. Ни книгъ, ни писемъ, не видалъ и не читалъ, такъ какъ грамотѣ не умѣетъ. Самъ православный и прочее.

Въ октябрѣ 1748 года, безвыѣздно находящемуся въ Петербургѣ Тучину пришла новая бѣда: у него уже давно не было паспорта, для взятія котораго ему надо было съѣздить въ Ростовскій уѣздъ, но безъ указа онъ не смѣлъ отлучиться изъ Петербурга. По этой причинѣ онъ написалъ въ синодѣ прошеніе, гдѣ просилъ, чтобы рѣшеніе по его дѣлу было учинено и ему «въ оправданіе и въ вѣрную его по святой церкви службу» данъ указъ, а также, чтобы было сообщено въ ростовскую епархію о его безпаспортномъ пребываніи въ Петербургѣ, а ему дано свидѣтельство.

Свидѣтельство ему было дано въ декабрѣ и ободренный Тучинъ въ томъ же декабрѣ новымъ доношеніемъ въ синодѣ попытался дать кое какія разъясненія и дополненія къ своему первоначальному доносу: «Въ канцеляріи святѣйшаго правительствующаго синода дѣло мое имѣется, при которомъ, по ревности моей къ св. церкви, показано мною на раскольниковъ, какъ о потаенныхъ, такъ и записныхъ съ изъясненіемъ именъ и званія городовъ вотчинъ и раскольническихъ скитовъ. Въ томъ числѣ за бытіемъ моимъ показано города Романова на купца Илью Федорова, а по достовѣрной моей о немъ справкѣ, оный Федоровъ означеннаго города купцомъ не бывалъ, но токмо того-жъ Романовскаго уѣзда вотчины Спасоярославскаго монастыря, деревни Есиплева (?) крестьянинъ, который по увѣдомленію моему нынѣ жительство свое имѣетъ въ С.-Петербурѣ, на землѣ господина Черкаскаго, близъ монастыря Невскаго, въ хлѣбномъ лабазѣ, той же вотчины, деревни Петрецова съ крестьяниномъ Емельяномъ Дмитріевымъ Олсуфьевымъ въ одномъ покоѣ, обще. Никита Пищальниковъ живетъ въ Олонецкомъ уѣздѣ, въ терентіевскомъ согласіи и понынѣ, о которомъ засвидѣтельствовать можетъ обратившійся раскольникъ Сергіева скита, Данилѣва согласія, Григорій Яковлевъ, къ которому Пищальниковъ, въ нынѣшнемъ 1748 году, неоднократно приходилъ и разговоры имѣлъ, о чемъ подробнѣе покажетъ самъ Григорій Яковлевъ. Содержащійся въ канцеляріи святѣйшаго синода Василій Филимоновъ подъ арестомъ, который, по допросѣ своемъ, освобож-

нѣтъ «на росписку», показалъ въ допросѣ объ отцѣ своемъ Филимонѣ Михайловѣ сущую неправду, которую могу изобличить свидѣтельствомъ».

Въ заключеніе Тучинъ проситъ всѣхъ означенныхъ лицъ сыскать и допросить.

Къ доносу Тучина, по безграмотности его, руку приложилъ маляръ Александръ Ветошниковъ.

Послѣ этого доношенія дѣло затянулось надолго. Допросами и розысками не торопились, такъ какъ изъ дѣла ничего новаго или особенно важнаго не выяснялось. Только въ Олонецкой губерніи по прежнему чрезъ уѣздныхъ «сыщиковъ» дѣлали облавы на старцевъ, отыскивая лицъ, требуемыхъ разными консисторіями. Никиты Пищальникова не находили долго, онъ весьма успѣшно избѣгалъ поимки, скрываясь въ «непроходимыхъ мѣстахъ».

Все это время Тучинъ жилъ въ Петербургѣ, кое-чѣмъ перебиваясь и бросивъ свое огородное дѣло.

Наконецъ, черезъ четыре года по возникновеніи дѣла олонечкимъ сыщикомъ, между прочимъ народомъ попался и Никита Прокофьевъ Пищальниковъ, нынѣ уже монахъ Игнатій. Когда пойманныхъ разсортировали—Никиту отправили въ ростовскую духовную консисторію, такъ какъ оттуда онъ былъ требованъ у олонечскихъ властей.

Въ іюнѣ 1751 года, архіерей Арсеній произвелъ допросъ долгожданному «хулителю святыхъ церкви», и до сентября объ этомъ ничего не знали въ Петербургѣ, пока Арсеній не прислалъ новаго донесенія синоду, отъ 30-го сентября.

Въ этомъ второмъ доношеніи сначала повторено почти все то, что писано въ первомъ, а затѣмъ приводятся допросныя рѣчи Никиты Пищальникова.

Въ началѣ показаній о своемъ дѣтствѣ, родителяхъ и объ отвозѣ въ Кронштадтъ, онъ говоритъ совершенно сходно съ показаніями отца и братьевъ, и ничего новаго не обнаруживается. Но затѣмъ идетъ рассказъ о его похожденияхъ въ олонечскихъ предѣлахъ и о совращеніи его въ расколъ Кругловымъ.

Разсказъ этомъ интересенъ въ сопоставленіи съ разсказомъ Тучина своею яркою противоположностію второму. Какъ тамъ, у Тучина, во всей исторіи совращенія преобладало разсужденіе и спокойное обсужденіе догматовъ и «равностей въ писаніи», такъ здѣсь, у Никиты, видно фанатическое увлеченіе словами искуснаго совратителя. Тучинъ два года говоритъ съ разными раскольниками въ Москвѣ и Петербургѣ, «смотреть житіе», обсуждаетъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и не сразу рѣшается перейти въ расколъ. Напротивъ того, Никита Пищальниковъ, послѣ нѣсколькихъ увлекательныхъ разсказовъ «клеименаго», съ рваными ноздрями, каторжника Круглова, слѣпо, съ молодой беззавѣтной энергіей

бросаетъ все и бѣжитъ въ тѣ мѣста, гдѣ цвѣтетъ благочестіе, гдѣ люди идутъ прямою дорогою въ царствіе небесное. Да и самая личность Круглова, пострадавшаго «за вѣру», должна была производить на молодаго увлекающагося Никиту сильное впечатлѣніе.

Изъ всѣхъ братьевъ, Никита выдѣляется особенно: онъ грамотенъ, тогда какъ оба старшіе братья безграмотны; онъ въ очень молодыхъ годахъ пишетъ прекрасныя письма, гдѣ обнаруживаетъ начитанность богословскими книгами, стремится проповѣдывать другимъ истины, только-что воспринятыя самимъ, — и вообще въ немъ видны всѣ задатки для того, чтобъ впоследствии изъ него выработался старецъ — раскольничій учитель, «сосудъ избранный благодати Божіей». Но послушаемъ его собственныхъ показаній, какъ они записаны приказною рукою консисторскаго писца.

IX.

Кругловъ совращаетъ Никиту.—Бѣгство изъ Кронштадта.—Дорожныя приключенія.—Никита обворованъ.—Приходъ въ Умбинскіе скиты.—Постъ и крещеніе.—Никита въ «непроходимыхъ мѣстахъ». — Поимка Никиты и «успѣшное обращеніе» всего раскольничьяго улова.—Обращеніе Никиты къ церкви. — Дополнительныя свѣдѣнія о раскольникахъ.—Конецъ вопроса.

Начало показаній Пищальникова, какъ мы уже сказали, во всемъ сходны съ показаніями отца и братьевъ; мы прослѣдимъ за ними съ того мѣста, которое даетъ новыя свѣдѣнія о его пребываніи въ Кронштадтѣ.

«Въ 1739 (37?) году онъ, Никита, былъ свезенъ въ Кронштадтѣ, а сколько отъ рожденія въ то время былъ лѣтъ — не припомнить ¹⁾, и жилъ у брата своего родного Прокофья Пищальникова и сидѣлъ отъ него въ лавкѣ за мучнымъ товаромъ, полшеста года. И живучи-де тамъ, онъ, Никита, отца духовнаго себѣ имѣлъ кронштадтской церкви Казанской попа Василья Федорова, у коего-де повсягдно исповѣдывался и святыхъ таинъ приобщался. И во время-де этого его, Никиты, въ томъ Кронштадтѣ житія, приходя къ нему, Никитѣ, въ лавку сосланный на каторгу въ оный Кронштадтѣ изъ выгорѣцкихъ записныхъ раскольниковъ, раскольникъ Иванъ Ивановъ сынъ Кругловъ ²⁾, для покупки муки,

¹⁾ Въ годъ вопроса Никиты (1751) ему, по его словамъ, было 25 лѣтъ — слѣдовательно, въ годъ привоза его въ Кронштадтѣ (1737) ему было 11—12 лѣтъ.

²⁾ Кругловъ, какъ видно изъ дѣла о немъ, обнародованнаго Г. В. Есиповымъ («Раск. дѣла», т. I), былъ, послѣ рванія ноздрей, сосланъ въ Рогервикъ, а оттуда, въ 1741 году, 6-го февраля, въ Кронштадтѣ. Тамъ онъ про-

меду и прочаго, и между прочими-де разговорами — похвалялъ выгорѣцкихъ и олонецкихъ раскольниковъ, житіе ихъ, и богомолье, и вѣру ихъ. И называлъ-де ихъ, раскольниковъ, — православными, а православную вѣру и православныхъ христіанъ — хулилъ и называлъ ихъ еретиками и раскольниками. И уговаривалъ-де его, Никиту, принять оную выгорѣцкихъ и олонецкихъ раскольниковъ вѣру, и говорилъ, что-де уже отъ времени Никонова церкви и священства, и тайнъ Христовыхъ—нѣтъ, и спасись-де, кромѣ таковыхъ мѣстъ (то-есть мѣстъ, въ родѣ Выгорѣцкихъ скитовъ), нигдѣ индѣ не можно. Кое-де его внушеніе день-отъ-дня онъ, Никита, внималъ, токмо-де еще содержалъ себя въ правовѣрїи и крестное на себѣ знаменіе изображалъ троеперстнымъ сложеніемъ, и въ церковь для слушанія божественнаго пѣнія, ходилъ. А въ С.-Петербургѣ-де онъ, Никита, прїѣзживалъ временно, на галіотѣ, для покупки и нагруженія изъ барокъ муки и отвезенія въ Кронштадтъ, въ лавку для продажи, и бывалъ-де тамъ только по однимъ суткамъ, ово С.-Петербургскихъ, ово Новгородскихъ, ово же Тверскихъ купцовъ на баркахъ, у прикащиковъ ихъ, а кто именно—не упомнить.

«А села-де Порѣчья крестьянина Ивана Тучина, изъ Олонца, Даниловскаго скита раскольниковъ: Кузьму Львова и Ивана Никифорова—не знаетъ.

«И подъ Невскимъ монастыремъ, купца Афанасія Дорофѣева въ мучномъ лабазѣ не бывалъ, и романовскаго же купца Илью Федорова—не знаетъ же.

«И по внушенію-де онаго раскольника Круглова, въ одинъ изъ годовъ, а въ коемъ именно—не припомнить,—неотмѣнно воспрїялъ онъ, Никита, намѣреніе идти въ олонецкіе предѣлы къ раскольникамъ для принятія вѣры ихъ. И, таясь брата своего Прокофья, сталъ креститься двоеперстнымъ сложеніемъ и согласясь съ крестьяниномъ Пошехонскаго уѣзда, вотчины Андрианова монастыря, села Пертомы Иваномъ Ѳедоровымъ, который-де въ томъ же ряду сидѣлъ въ лавкѣ за «щепемъ» (т. е. за «щепянымъ» товаромъ, какъ называютъ деревянныя ложки, ковши, тарелки, чашки, корыта и т. п.),—и заперши и запечатавши лавку, въ коей онъ, Никита, сидѣлъ, взявъ съ собой денегъ рублей съ 30 (?), въ небытность онаго брата его въ Кронштадтъ (а былъ-де онъ тогда въ Петербургѣ, въ апрѣлѣ или маѣ мѣсяцѣ), взявъ отъ помянутаго каторжника Круглова, какъ на Олонецъ идти

былъ до 6-го августа того же года, когда его отослали обратно въ Рогервикъ. Кругловъ могъ видѣться съ Никитою только въ этотъ періодъ; а между тѣмъ первое письмо Никиты, съ пути, т. е. когда онъ уже бѣжалъ въ скиты, помѣчено 1740 годомъ, 29-го ноября. Можетъ быть, дата перваго письма ошибочно списана въ дѣлѣ.

письмо (то есть путеводитель до скитовъ), и потому-де письму, изъ Кронштадта вышедъ на Ораниенбаумскую сторону, а оттуда на пригородокъ Копорья, изъ Копорья въ Новгородъ, а въ Новгородъ, нанявъ изъ московскихъ ямщиковъ ямщика (а какъ ему имя не знаетъ) на парѣ, давъ ему по договору 7 р. 50 к., опасаясь отъ онаго брата Прокофья погони, поѣхали на Тверь.

«И приѣхали въ Угличъ, а въ Угличѣ, нанявъ изъ попутчиковъ «бѣлозеровъ», далъ полтора рубля до села Череповца. А въ томъ-де селѣ Череповцѣ показанный товарищъ его, попехонецъ, отъ него, Никиты, отсталъ и пошелъ въ Попехонье, въ село Пертому и унесъ у него денегъ изъ сумки рублей съ 20 ¹⁾).

«А онъ-де, Никита, изъ Череповца пошелъ одинъ на Бѣлоозеро, а съ Бѣлоозера на вотчину Бадугу, а съ Бадуги на Вытегру, а съ Вытегры въ Суземокъ, гдѣ живутъ все раскольники. И пришедъ въ скитъ, называемый Умбинскій, находящійся на рѣкѣ Умбѣ, къ раскольническому учителю Матвѣю Ермолаеву, въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ первыхъ числахъ, у коего-де въ ономъ скитѣ, мужеска полу было человекъ съ 90, а большей части много изъ новгородцевъ, а женска полу было человекъ съ 20, кои-де въ особой кельѣ. И оный-де раскольнический учитель Матвѣй Ермолаевъ, велѣлъ ему, Никитѣ, а съ нимъ вмѣстѣ въ томъ же скитѣ тогда бывшимъ: изъ шведовъ Дмитрію Иванову, да отставнымъ: прапорщику морскаго флота Ивану Андрееву, да матросу Михайлу Петрову—поститься шесть недѣль, по коему-де его повелѣнію они и постились. А для слушанія вечерень, утрень и часовъ и для моленія ходили въ имѣющуюся въ томъ скитѣ часовню деревянную, въ коей-де по ихъ раскольнической прелести оному моленію «начала» читалъ Ермолаевъ. Потомъ Ермолаевъ въ лежащей подлѣ того скита рѣкѣ Умбѣ его, Никиту, Дмитрія Иванова, прапорщика и матроса—перекрещивалъ и нарекъ имъ имена всѣмъ Игнатіями, и имѣющіеся на нихъ кресты снялъ, а положилъ свои кресты, каковыя дѣлаются въ Суземкѣ по ихъ раскольнической прелести, мѣдныя. И тогда-жъ, въ томъ же-де скитѣ былъ Иванъ Филимоновъ, который-де родомъ изъ Ростовскаго уѣзда, села Николы-бой, крестьянинъ; который-де въ тотъ скитъ приѣхалъ еще до приѣзда его, Никиты, задолго и при немъ-де побылъ только дней съ шесть, поѣхалъ въ С.-Петербургъ. А показаннаго-де порѣчанина Ивана Федорова Тучина — тогда при немъ, Никитѣ, не было, и съ нимъ онъ не перекрещиванъ ²⁾), и когда онъ Тучинъ перекре-

¹⁾ Въ пятомъ своемъ письмѣ къ родителямъ Никита называлъ своего спутника Лариономъ и сумму украденныхъ въ Череповцѣ денегъ показывалъ въ 500 рублей.

²⁾ Замѣчательно согласіе показаній Тучина и Пицальникова относительно крещенія ихъ на Умбѣ, и лицъ присутствовавшихъ при этомъ. Однако Никита

щенъ—онъ, Никита, не знаетъ. И жилъ-де онъ, Никита, въ скитѣ до второй недѣли великаго поста, и на первой недѣлѣ онъ исповѣдывался у Матвѣя Ермолаева, а не причащался, понеже-де у нихъ въ скитѣ никакого причастія не имѣется. И принявъ отъ того лжеучителя благословеніе и взявъ съ собою псалтирь, да общую миною всѣхъ святыхъ, да часовникъ—старопечатные,—да святцы, кои назывались обиходникомъ съ тропарями и кондаками—письменные,—изъ того скита пошелъ къ морю, на востокъ, за Еригорскій (?) монастырь, въ коемъ-де почиваетъ преподобный Діодоръ, и имѣются-де въ томъ монастырѣ строитель да монахи, а сколько человекъ—не знаетъ, православнаго исповѣданія. Токмо-де онъ въ томъ монастырѣ не былъ, а прокатывался мимо него на лыжахъ, за оный монастырь въ лѣсъ, версть двадцать, а отъ онаго Умбинскаго скита—версть съ восемьдесятъ и болѣе, при самой той рѣки Умбы верхотинѣ. И избравъ мѣсто, и построив спаленку, жилъ одинъ, и пытался, привозя самъ отъ онаго лжеучителя Матвѣя муки пуда по два, и дровъ съ большихъ сосенъ, корку, сушилъ и толокъ въ ступѣ, и мололъ въ жерновахъ, и, мѣшая съ тою мукою, пекъ—то и ѣлъ, а пилъ воду. И поживъ съ годъ, на святую недѣлю пришелъ въ тотъ же скитъ къ Матвѣю, и просилъ, чтобы его, Никиту, постригъ. И онъ, лжеучитель, призвавъ того же скита раскольническаго монаха Іоанна, который и положилъ на него, Никиту, по раскольническому обряду ряску черную да куколь и мантию, безъ всякаго молитвословія, и нарекъ ему имя Іоасафомъ, и велѣлъ ему исполнять правило монашеское. И по облаченіи-де онаго монашескаго платья, въ томъ скиту онъ, Никита, быть только святую да еоминую недѣлю, и отбылъ обратно въ свою келію, и былъ въ ней до взятія его присланнымъ отъ обрѣтающагося въ городѣ Олонцѣ сыщика, капитана Афанасія Петрова Жеребцова, поручикомъ Ксенофонтомъ Григорьевымъ Лотовымъ, который-де его, Никиту взялъ въ прошломъ 1750 году, на сырной недѣлѣ и отослалъ съ прочими таковыми-жъ перекрещеными, коихъ съ нимъ было человекъ съ 20 (въ томъ числѣ новгородцацъ 8, москвичей 2, и съ Бѣжецка 2, изъ города Устюжны 1, изъ города Архангельскаго 2, Ярославскаго уѣзда, вотчины помѣщика Дохтурова, изъ-подъ Углича, крестьянинъ Матвѣй Алексѣевъ, да означенный изъ шведовъ Дмитрій Ивановъ) въ Олонецъ къ показанному сыщику Жеребцову, и оный-де сыщикъ по допросамъ ихъ писалъ о нихъ въ святѣйшій правительствующій синодъ, а изъ синода по присланному къ сыщику указу, онъ отослалъ ихъ въ новгородскую духовную кон-

отрицаетъ присутствіе между крестившимися Тучина, хотя ему нѣтъ никакого расчета дѣлать это нарочно. Остается предположить, что Никита Пищальниковъ просто забылъ о Тучинѣ.

систерію въ петропавловскій постъ. И въ той-де консисторіи ихъ всѣхъ допрашивали обстоятельно, въ коихъ-де своихъ вопросахъ, между прочимъ (всѣ) обратиться паки въ православную вѣру желаніе показали. И по вопросамъ, для надлежащаго въ православной вѣрѣ утвержденія, разосланы они были въ разные монастыри, для содержанія и хожденія въ тѣхъ монастыряхъ въ церкви Божіи для слушанія вечернихъ, утреннихъ пѣній и всенощныхъ бдѣній и божественныхъ литургій. Въ томъ числѣ оный, Никита, посланъ былъ въ Антоніевъ монастырь, въ коемъ, того монастыря архимандритъ Іоасафъ, въ имѣвшейся въ томъ монастырѣ семинаріи, въ которой оный имѣется главнымъ учителемъ,—завсегда его, Никиту, къ содержанію въ вѣрѣ православнаго грекороссійскаго исповѣданія, наставлявалъ и утверждалъ, самъ показуя отъ божественнаго писанія о томъ, что душепагубное и богомерзкое раскольническое заблужденіе есть. Такжеже и прочими той семинаріи учителями наставляемъ былъ недѣль съ двадцать (!), по коему ихъ наставленію оный, Никита, позналъ, что оное его въ расколѣ пребываніе — было богомерзкое и весьма душепагубное, подлинно. И того ради возжелалъ обратиться къ церкви святой, въ православную вѣру, всеусердно и быти сыномъ святой церкви всегда, неотступно. И потому-де его желанію, оный, Никита, по отсылкѣ изъ того монастыря въ консисторію, сего 1751 года, въ св. великій постъ, по надлежащемъ говѣніи, съ вышепоказанными, присланными отъ сыщика Жеребцова, во св. великій пятокъ, къ отрицательной отъ раскола присягѣ приведены Хутыня монастыря архимандритомъ Дамаскинымъ, а во исповѣданіи были Софійскаго собора у протоіерея Досіея и пресвятыхъ христовыхъ таинъ причащены во св. великую субботу, при присутствіи преосвященнаго Стефана, архіепископа великоновгородскаго и великолупецкаго, въ Софійскомъ соборѣ архимандритомъ Дамаскинымъ, а потомъ взяты у нихъ обязательства съ подписками ихъ токмо другъ по другѣ, въ томъ, что имъ впредь содержать себя въ правовѣрїи твердо и не поколебимо и о прочемъ. И на третьей же недѣлѣ послѣ пасхи, въ понедѣльникъ, изъ оной новгородской консисторіи отосланы они въ новгородскую губернскую канцелярію для отсылки ихъ на прежнія жилища. А изъ оной-де губернской канцеляріи, куда кои подлежатъ, въ томъ числѣ оный, Никита, напервѣе въ тверскую, а изъ тверской въ углицкую провинціальныя, а изъ углицкой въ романовскую воеводскую канцелярію. А изъ романовской воеводской канцеляріи въ романовскій магистратъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, изъ котораго оный, Никита, и отданъ присланнымъ по него изъ ростовской духовной консисторіи. А на воровствахъ и на разбояхъ и за то въ розыскахъ и публичномъ наказаніи нигдѣ не бывалъ; а письма-де, кои оный, Никита, будучи въ раскольнической прелести, писалъ, каковы взяты въ домѣ предъявленнаго отца его, къ оному

отцу и матери и братьямъ. И тѣми письмами Христа Спасителя нашего Бога и пресвятыя и животворящія его тайны хулилъ и называлъ антихристовымъ тѣломъ; и церковь Божию и священныи чинъ духовный и св. патріарха Никона хулилъ же. И то-де все онъ, Никита, писалъ по внушенію умбинскаго скита учителя Матвѣя Ермолаева и прочихъ раскольниковъ. И тѣ-де письма для отсылки отдавалъ онъ Матвѣю, а онъ-де съ кѣмъ ссылалъ—о томъ Никита не знаетъ. И о томъ, что онъ Никита по внушенію раскольниковъ тѣ хульныя письма писалъ,—нынѣ кается и весьма о томъ сокрушается сердцемъ и жалѣетъ. И онъ-де лжеучитель Матвѣй и прочіе съ нимъ раскольники и раскольницы, собрався вси въ предпомянутую часовню, въ прошломъ 1750 году, въ арцивуріеву, т. е. сплошную недѣлю, и зажегши ее, вси сгорѣли. Да напрѣжь-де того, въ разныхъ годахъ, въ тѣхъ же олонекскихъ мѣстахъ и на той же рѣкѣ Умбѣ были еще «три гари», изъ коихъ съ Терентьемъ старцемъ (когого онъ въ письмѣ именовалъ отцомъ) сожглось 98 человекъ, да съ Филиппомъ (когого тако-жь въ письмѣ своемъ писалъ отцомъ же) 60 человекъ. А во всѣхъ же тѣхъ трехъ «гаряхъ» сожглось обою пола людей не малое число, о чемъ-де онъ слышалъ отъ Матвѣя. И всиде тѣ скиты были Данилова толку. И въ тѣхъ же своихъ письмахъ писалъ, якобы тамъ имѣются нетлѣвныя, невредимыя мощи числомъ 20—и то-де онъ, Никита, писалъ съ повелѣнія онаго же Матвѣя и прочихъ раскольниковъ, а самъ-де онъ, Никита,—ихъ не видѣлъ. А къ Дмитрію-де Пятошину оттуда кто ѣздоки были—о томъ онъ не знаетъ; а на дорогѣ-де его обралъ, т. е. деньги у него унесъ пертомецъ Иванъ Федоровъ, а не Ларіонъ—написанъ ошибкою;—и денегъ у него 500 рублей тогда не было. И Филиппа Климова, коему-де оттуда выслано 12 праздниковъ написанныхъ, онъ не знаетъ, и гдѣ онъ живетъ—не вѣдаетъ. И что нынѣ онъ, Никита, подлинно сынъ святыя православныя церкви и въ вѣрѣ православнаго исповѣданія содержитъ и впредь содержать себя будетъ неотмѣнно, — въ знакъ того своего правовѣрія всѣхъ раскольниковъ и церкви святой противниковъ, онъ, Никита, въ церкви Божіей публично по печатному клятвенному исповѣданію, — проклянетъ безъ всякаго къ тому сомнѣнія и отлагательства, а потомъ и грѣховъ своихъ исповѣдъ учинить и св. таинъ причаститься желаетъ всеусердно. И впредь повсягодно исповѣдываться и причащаться будетъ неотмѣнно».

Тутъ кончается допросъ Никиты Пищальникова, сообщенный синоду ростовскимъ архіереємъ Арсеніемъ въ сентябрѣ 1751 года.

X.

Особья черты въ показаніи Никиты. — Десятилѣтній промежутокъ. — Слезное прошеніе Тучина, чтобъ отпустили отъ Синода.—Заключеніе.

Показаніе Никиты - Игнатія - Иоасафа Пищальникова рисуесть намъ новыя черты быта поморскихъ раскольниковъ—ихъ отъѣзды на лыжахъ въ лѣсную глушь, чтобы искусить себя «нужднымъ пустыннымъ житіемъ» передъ тѣмъ, какъ принять на себя чинъ монашескій. Въ показаніи его еще замѣчательнъ тотъ фактъ, что всѣ двадцать человѣкъ раскольниковъ, пойманныхъ Жеребцовымъ, единодушно возжелали отречься отъ раскола и были разсланы въ разные монастыри, гдѣ ихъ начали увѣщать и увѣщали, если судить по Пищальникову, довольно долго—пять мѣсяцевъ!—и это при выраженномъ ими всемѣрномъ желаніи присовокупиться въ церкви!.. Въ доношеніи архіерея, писанномъ опытнымъ консисторскимъ дѣльцомъ, все это выходитъ чисто, гладко и тихо, но факты заставляютъ предполагать за этимъ «всемернымъ желаніемъ»—«властельскую грозу» и принужденіе, разъ раскольники попали «въ руки» и сожечься, разсланные въ разные монастыри, не могутъ!

Во всякомъ случаѣ,—дѣлу-бы на этомъ и кончиться, такъ какъ главные персонажи его—или обратились въ православіе, или сгорѣли, но нѣтъ!—Синоду требовалось ждать сысковъ и допросовъ всѣхъ, даже самоналѣвшихъ участниковъ, а это тянулось десятками лѣтъ!..

И все это время несчастный Тучинъ жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ, и черезъ пятнадцать слишкомъ лѣтъ послѣ начала дѣла мы встрѣчаемъ еще прошеніе Тучина въ синодъ, но уже не съ прежнимъ задорнымъ желаніемъ «обличить» и доказать, а жалостное и смиренное.

Вотъ что писалъ Иванъ Тучинъ въ маѣ 1762 года:

«По истинному моему къ святой каѳолической церкви усердію и ревности, въ прошломъ 1747 году доносилъ я, именованный, въ святѣйшій правительствующій синодъ о раскольническихъ мощахъ и учителяхъ и о потаенныхъ раскольникахъ, по которому дѣлу велѣно мнѣ было въ С.-Петербургѣ до указа безотлучно; почему съ даннымъ отъ святѣйшаго правительствующаго синода въ 1748 году, декабря 14-го, письменнымъ свидѣтельствомъ и нахожусь здѣсь безвыѣздно четырнадцатый годъ, а понеже, сверхъ объявленнаго моего въ 1747 году доносу, за старостію и многопрошедшимъ временемъ, по тому дѣлу показывать болѣе ничего не знаю, почему и быть мнѣ при святѣйшемъ синодѣ уже нужды не нахожу, но безъ указа отлучиться мнѣ изъ С.-Петербурга невозможно.

«Къ тому-жь, за дряхлостію и немощію моею въ свою деревню нынѣ и ѣхать не могу, да и домишко мой крестьянскій чрезъ такое долгое время совсѣмъ разорился; и для того желаю быть въ С.-Петербургѣ и записаться въ цехъ, дабы безъ пропитанія остаться не могъ.

«Того ради всепокорнѣйше прошу святѣйшій правительствующій синодъ, въ оправданіе мое, что я предписанное время въ С.-Петербургѣ находился по указу,—дать мнѣ указъ, чтобъ мнѣ можно было, имѣя о себѣ свидѣтельство, записаться въ цехъ, и о семъ моемъ прошеніи милостивую резолюцію учинить».

Уже и въ началѣ дѣла пожилому Тучину пришлось, во время этой долговременной «волокиты», учиться въ Петербургѣ какому-нибудь ремеслу «для пропитанія», ибо «ревность къ церкви», не столько его, сколько благопоспѣшнаго сергіевскаго попа, привела его къ разоренію, нищетѣ и тасканью по чужимъ людямъ, ради куска хлѣба.

А съ приблизившеюся «дряхлостію и немощію» ярче возникли мысли и «о душѣ», о томъ горѣ и смертяхъ и «волокитѣ», какія онъ причинилъ своимъ доносомъ десяткамъ другихъ людей, которые не добромъ поминаютъ его, немощнаго старика... Да и въ Синодѣ-то онъ не видитъ уваженія къ своей «ревности», а совсѣмъ напротивъ...

Не будемъ жалѣть о томъ, канувшемъ въ вѣчность, времени, когда на душу человѣка было наложено «иго тяжкое и не удобоносимое», и съ радостію привѣтствуемъ загорающуюся зарю свободы совѣсти и вѣротерпимости!

А. В. Арсеньевъ.

